

Я

ТЕБЯ

СЛЫШУ

Денис Киселёв

**Я тебя слышу, или
Дивертисменты жизни**

«ИТРК»

2017

УДК 82.312.6
ББК 84.44

Киселёв Д. В.

Я тебя слышу, или Дивертисменты жизни / Д. В. Киселёв —
«ИТРК», 2017

ISBN 978-5-88010-432-1

Наш современник – кто он? Человек, появившийся в прошлом столетии, на стыке тысячелетий. Главный герой книги, Семён, – незаурядный парень, родившийся высоко в облаках, в прямом смысле слова. Его жизнь – это калейдоскоп событий, постоянная смена декораций. До определённого момента это не броуновское движение, а выверенный взлёт Рулевого. Но невозможно построить планы на всю жизнь вперёд. Омут неприятностей затягивает: болезнь, предательство, пике в никуда. И здесь же – исцеляющая любовь, переоценка собственной жизни, духовное прозрение и самые важные вопросы: будет ли услышан? возможно ли начало?

УДК 82.312.6

ББК 84.44

ISBN 978-5-88010-432-1

© Киселёв Д. В., 2017

© ИТРК, 2017

Содержание

Эпизод 1	6
Эпизод 2	7
Эпизод 3	8
Эпизод 4	9
Эпизод 5	10
Эпизод 6	20
Эпизод 7	22
Эпизод 8	24
Эпизод 9	27
Эпизод 10	32
Эпизод 11	34
Эпизод 12	37
Эпизод 13	53
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Денис Валерьевич Киселёв

Я тебя слышу, или Дивертисменты жизни

*Каждый раз, когда ты думаешь,
что всё держишь в своих руках,
мир показывает тебе язык и продолжает
вращаться по своей собственной орбите —
необъяснимой и непредсказуемой.*

Джеймс Саллис

© Киселёв Д., 2017

© Издательство ИТРК, издание и оформление, 2017

Эпизод 1

11 июня 1968 года

13 часов 42 минуты.

«Уважаемые пассажиры! Вас приветствует командир экипажа рейса СЮ-1202, следующего по маршруту Москва (аэропорт Домодедово) – Пермь (аэропорт Большое Савино), пилот первого класса Юсин Михаил Андреевич. Мы набрали высоту и теперь занимаем эшелон на 10 000 метрах, скорость 820 километров в час, температура за бортом минус 45 градусов, расстояние до Перми 1141 километр, время в пути 2 часа...»

13 часов 48 минут.

«Уважаемые пассажиры! Командир корабля в связи с нештатной ситуацией на борту, а именно родами одной из пассажирок, интересуется: есть ли среди вас медицинский работник или человек с медицинским образованием?.. Если да, то приглашаем такого пассажира пройти в хвостовую часть салона самолёта...»

– Есть такой, – поднялся с места седоватый, немолодой уже человек с ярко-голубыми глазами...

14 часов 47 минут.

«Ура, товарищи!!! На борту нашего лайнера только что появился на свет новый советский человек!!! Мальчишка! Назвали Семён. Вес 3 килограмма 950 граммов, рост 52 сантиметра! Роды прошли хорошо. От лица «Аэрофлота» поздравляем героическую маму и выражаем благодарность всем, кто помогал при столь важном событии!...»

...Вот и родился! На подъёме, огибая облака. Как бы сказали авиаторы – тангаж по жизни начался...

Эпизод 2

Очередной переезд. Теперь – в Красноярск. Папа подарил красивую, большую игрушечную машину-самосвал. Счастью не было предела! Смутно-смутно Семён помнил, как вдруг откуда-то появилась сестра. Ему тогда почти исполнилось три тогда... Без месяца. Почему-то особо запомнилась её коляска – большая, голубая (видимо, не нашли розовую) и с постоянно отваливающимся одним колесом...

Эпизод 3

Три самых ярких воспоминания детского сада – приземление парашютиста во двор, полторка с дровами и ловля огромных шмелей руками...

Эпизод 4

– Аркашка, дорогой, ну сколько можно переезжать! Ты не забыл, что у нас двое маленьких детей? И у меня, в конце концов, силы на исходе! Один раз переехать – всё равно что два раза погореть! Пермь, Березники, Красноярск, Череповец! Всё! Не могу больше!

– На следующей неделе выхожу управляющим монтажного треста в Вологде. Садик свой. Квартиру дают. Трёшку пока маленькую, но зато в новом доме. Не гунди. Собирайся.

– Ну диспансеризация же у ребят!

– Вот как раз, пока они в садик не ходят, и соберётесь. Я Захарову скажу – помогут. И фуру дадут. Тут рядом, сто двадцать километров всего...

Эпизод 5

– Григорьев, к доске!

«Блин. Пронесло!» – выдохнул Женька, так как до звонка оставалось ровно четыре минуты. Старший брат-моряк подарил японские электронные часы с дисплеем! А за это время Сёмка только и успеет с чувством продекламировать поставленный вопрос. Весь урок истории, так любимой Сёмкой и Вадькой, Женька жался на задней парте третьего ряда, делая вид, что вдумчиво вглядывается в контурные карты. «Двойка» в конце четверти могла бы создать проблему даже с получением четвертного «тройка», и, что самое главное, можно было бы и не рассчитывать на обещанный матерью мопед. Но, к счастью, всё обошлось. Звонок. Дневники сданы. Предки получают их только завтра на родительском собрании. Всё. Свобода! КАНИКУЛЫ! Все школьные тревобления тут же улетучились. Забылось даже то, что завтра на родительское собрание пойдёт строгая мать, а не отец. Хотя он и не интересовался ничем, кроме физики и машины, но, будучи преподавателем в политехническом институте, методично внушал Женьке об обязательности среднего образования.

Началась настоящая жизнь. И мысли в голове были только об этой жизни. А подумать было над чем. «Через полчаса надо ещё в столовку заскочить. Там пирожки только что завезли. Свежие. Дымятся ещё», – подумал Женька. Он сам видел. Не зря пол-урока в окошко косился...

На мостике через Золотуху состоится сходка «великолепной четвёрки» из шестого «В» – Семён, Женька, Вадька и Мишка.

Собрание будет касаться обсуждения планов на начинающиеся летние каникулы. Наверняка, у всех будут неплохие предложения.

Вадя не удержался и ещё на первом уроке прислал Семёну записку, написанную, как условились, секретным кодом. Правда, почему-то на вырванном листе из тетради по математике с огромной красной «пятёркой» на треть страницы. Так впечатлить злющую математичку Галину Сергеевну давно никто не мог! Зря, кстати. Жалко «продукт». После недлительной расшифровки Семёну стало понятно, отчего Вадька не мог дожидаться конца уроков и настолько необдуманно и расточительно поступил с таким шикарным козырем для отмазки перед матерью по любому вопросу. Ольги Алексеевны (мамы Вадика) не будет все каникулы. Она уезжает к сестре, а своего единственного и ненаглядного оставляет с бабушкой, живущей в одном доме с Сёмкой. Даже на тревожившее всю «четвёрку» родительское собрание завтра придёт бабуля. Свезло так свезло, что там и говорить.

Мишка тоже что-то целый день аж светился и подмигивал двумя глазами поочерёдно. А «фирменный», словно девичий, румянец на его щеках стал ярким и как будто лаковым.

Только Семён был немногословен. Все точно знали, что он только делал вид, что всецело поглощён заботами о «правильных» четвертных оценках. Такое его поведение могло скрывать либо полный коллапс, типа «Надо наконец помочь родителям на даче...», либо что-то из ряда вон грандиозное.

Женька, естественно, был на двести процентов уверен, что придуманный именно им план будет утверждён единогласно и принят как руководство к действию. Женька вообще любил чёткие формулировки съездов и собраний.

Жалко, что протоколов не вели. А как же иначе? Кто же из них откажется от окончательного закрепления господства «четвёрки» в «Квадрате»? Так с момента постройки назывался двор, в котором жили Женька с Мишкой. Хотя это для стороннего уха звучало странно, так как это была всего лишь длинная девятиэтажка вдоль одной из основных улиц с названием, которое есть в каждом советском городе. С другой стороны дома, напротив него, располагалось здание типографии, ну и с третьей стороны доживали свой век старые большие деревянные

дома. А с четвёртой – вход почти закрывала краснокирпичная городская баня. Ну... может и было отдалённо похоже на квадрат...

Вадька с Семёном жили в других местах, но за их заслуги перед двором были всеми признанными «квадратовцами».

План (опять план) пятидневного блицкрига против «кировских» был продуман Женькой до мелочей... Но...

...Предложение Семёна было настолько потрясающим, что остальные в итоге даже не озвучивались...

– Вот! – Сёма, как бесценную реликвию, достал из кармана какой-то огромный железный ключ и, зажав его в кулаке за саму палочку, что соединяла бородку и кольцо, протянув руку, предъявил его на обозрение всем присутствующим.

– Это ещё что? – спросил Вадик.

– Ну ты, блин, прямо вылитый Буратино, – как обычно, съязвил Женька.

– От чего «золотой ключик»-то? – поинтересовался Мишка.

– От чего, от чего... Как и положено, от сказочного театра, конечно, – спокойным голосом ответил Сёма.

– Сёма, ну хватит... Давай серьёзно. Не томи, – заныл Женька, дёргая Семёна за рукав. Была у него такая дурацкая привычка.

– А я и говорю всё как есть. Ключик от театра.

– Не по-о-нял, – протяжно сказал Миха.

– А на кой ляд нам «золотой ключик» от театра? – продолжил Вадик. – И потом от какого – драмы или ТЮЗа?

– Ладно, банда, не томитесь. Озвучиваю официальное предложение по проведению этих каникул, – сжалился над ничего не понимающими ребятами Семён. – Все знают здание налево от «Квадрата», как в школу идти, а? – продолжал он. – Ну за «Лестрансом»?

– А-а-а... Точно. Там ещё собаки бродячие постоянно пасутся, – сказал Мишка, – как в школу иду, так прямо мурашки по спине.

– Да, да... и на его стене дурик Любомиров мелом написал: «А.Л. + С.С. = Л», – продолжил Женька. – А что писал?... Да Светка Степанова в его сторону даже не смотрит... Ей Серёга Морозов из «А» класса нравится... Сама говорила... Я как раз дежурным по классу был, а она Ирке Бубновой и говорит...

– Жека, блин, хватит с темы всех уводить. Сёма, продолжай, – прервал Женьку Вадик. – А что это за сарайчик?

– Ни фиги себе сарайчик! Здоровенный, блин, домина! – вставил слегка обиженный Женька и сплюнул в Золотуху с моста.

– Это здание склада декораций нашего драмтеатра, – продолжал Семён, – ну не всех, конечно, а тех, которые долго не используются. Так вот, почти всё время здание пустует, находясь под замком, и, по большому счёту, никому и дела нет, что там происходит. Лишь бы не подпалили, оно же деревянное.

– Вот бы там пошурудить... – мечтательно произнёс Женька.

– Да помолчи ты, шурудила, – опять оборвал его Вадик.

– Продолжаю? – Семён обвёл вопросительным взглядом всю компанию.

– Давай! Давай! – загалдели все.

– Итак, я предлагаю потратить эти каникулы на оборудование в этом месте нашего «квадратовского» штаба! – попытожил Семён. – Кто «за»?

Вся компания с жаром приняла предложение. Глаза загорелись, и все хотели только одного – быстрее увидеть свои владения. Только осторожный Вадик как будто нехотя поинтересовался:

– А ты откуда ключ-то взял?

– У Юрки Козловского. У него же отец директор драмтеатра. Пока сменялся на самовар старинный. Помнишь, мы его нашли в старых «деревяшках», что ломали? С одним условием только, что Юрка приходит к нам будет, когда захочет. Ну да ладно, думаю, пускай приходит, зато, если что, так перед батей своим за нас заступится, – с готовностью ответил Семён.

Через десять минут вся компания, не заходя домой и не переодеваясь, а прямо так, в школьной форме и с портфелями, стояла у здания драмтеатровского склада. Семён картинно достал ключ и вставил его в скважину замка.

– «Буратино сорвал нарисованный очаг! И аккуратно вставил золотой ключик в золотой замочек. Открывай же! Открывай скорее! – кричали куклы в нетерпении», – продекламировал событие Женька.

– Можешь хоть минуту помолчать? – теперь уже зашипел Мишка.

Под затаённое дыхание ребят ключ щёлкнул и повернулся два раза. После этого Семён приоткрыл страшно скрипевшую дверь. Все четверо мгновенно юркнули в образовавшуюся щель и задвинули железную задвижку. Внутри было очень темно и пахло гнилым деревом, отсыревшими тряпками и нафталином.

– Ну вот настал и мой час, – торжественно произнёс Мишка и достал из портфеля крутой фонарик на трёх батарейках. – А кто-то говорил в своё время, что это самый бесполезный подарок, – Мишка скосил глаза на Женьку.

– Да ладно. Это я из зависти, – признался тот, махнув рукой.

Фонарь осветил огромное пространство склада. Он оказался двухэтажным.

Весь первый этаж был даже не заставлен, а завален всевозможной театральной утварью. Чего здесь только не было!.. Тут была мебель всех эпох и народов. На ней лежал обильный слой серой пыли толщиной, наверное, в полтора сантиметра. Были настоящие творения! Начиная от трона фараонов и огромных позолоченных зеркал, заканчивая ширпотребовскими табуретками с покрытием из дерматина, ровно такими же, как в школьной столовке.

На вешалках длинными рядами висела одежда, обсыпанная пылью, как снегом. Отороченные золотым шитьём камзолы, огромные тулупы с воротниками «под мех», военные мундиры различных армий, даже кольчуги и восточные халаты плотно прижались друг к другу, как молчаливые воины в ожидании приказа.

По всей площади склада игриво стояли и валялись женские полуманекены, облачённые в прекрасные платья средневековых принцесс и королев. Рыцарские доспехи в огромном количестве в полном беспорядке были рассыпаны по полу.

Второй этаж и этажом-то можно было назвать лишь условно. По сути, это были просто толстые деревянные поперечные балки, лишь где-то на четверть накрытые продольными досками, когда-то являющимися полом этого этажа. Там тоже что-то навалено, но снизу было не разобрать – что.

– Да-а-а! – первый нарушил молчание Вадик.

– Да-а-а! – не отводя глаз от такого богатства, невольно повторил Семён.

– Да-а-а... уж! – добавил ещё одно междометие Мишка, крутя фонариком во все стороны. – А Жека-то где? – неожиданно спросил он, не находя в луче фонаря знакомого силуэта.

– Жека! – закричали, не сговариваясь, друзья.

– Да здесь я. Здесь. Чего орёте-то? – отозвался Женька, отряхиваясь от пыли.

Вид у него был просто потрясающий! На голове лихо водрузилась треуголка. Пояс обмотан какой-то тряпкой, за которую он заткнул старинный пистоль. В левой руке поблёскивал турецкий ятаган.

– Ни фига себе! Где взял?! Дай посмотреть! Круто! – загалдели ребята.

– Ну ладно, ладно... Растерзаете меня, – немного смущаясь, но явно довольный собой, бубнил Женька. – Вон... За теми шкафами гляньте.

Пацаны, даже не смотря под ноги, бросились по указанному направлению.

За шкафами стояли две здоровенные плетёные корзины, в одной из которых было свалено кучей всевозможное холодное оружие из мягкого металла: шпаги, рапиры, ятаганы, мечи... Где-то на дне поблёскивали ножи и кинжалы. Из самой середины грустно торчали три ржавые алебарды, по виду, совсем настоящие. Вторая корзина была битком набита головными уборами. Тут были тюрбаны, каски, кивера, треуголки, тюбетейки, ковбойские шляпы, мягкие сомбреро, отсыревшие треухи и тому подобное. А между корзинами – о, чудо! – лежала целая связка, перетянутая солдатским ремнём с позеленевшей бляхой, муляжём огнестрельного оружия: мушкетов, трёхлинеек со штыками и тому подобного. Был даже немецкий шмайссер с отломанной задней ручкой. Муляжи были деревянные, но так классно сделанные! Детали, которые должны были быть изготовлены из дерева, оставались таковыми. Если это должна была быть воронёная сталь, то дерево аккуратно выкрашено чёрной металлизированной краской, штыки – краской стального цвета.

Во время образовавшейся паузы восторженного изумления Мишка закрепил фонарик. Теперь луч был направлен точно в сторону корзин и, отражаясь от стоящего напротив них старинного трюмо, создавал довольно сносное освещение близлежащего пространства.

Друзья молча стали разбирать неожиданное богатство, одновременно экипируясь по вкусам. Даже у зеркал крутились, как девчонки, сопя и толкая друг друга.

В итоге четверо учеников шестого «В» класса школы № 8 превратились в довольно ярких персонажей приключенческих кинолент.

Семён выбрал образ английского гренадера викторианской эпохи. Ярко-красный камзол он заметил среди верхней одежды ещё раньше. Дополняли костюм треуголка, большая деревянная шпага с красивым эфесом и длинное ружьё.

Вадик решил сделаться корсаром, обвешавшись муляжами оружия тех времён. Он даже завязал один глаз чёрной тряпкой для убедительности.

Мишка нарядился немцем. Не снимая школьную форму, закатал рукава, надел немецкую каску и повесил на шею тот самый шмайссер с отломанной задней ручкой. Действительно, школьная форма с погончиками смахивала на немецкий мундир.

Убедительней всех выглядел Женька. Он предстал в образе революционного матроса-краснофлотца. Его хоть сейчас можно было отправлять на штурм Зимнего. Поверх тельняшки, которую презентовал его старший брат-моряк и которую он практически не снимал, крест-накрест были намотаны две пулемётные ленты с пустыми гильзами. Под ремень напиханы наган и две гранаты. С одного бока висел планшет, а с другого – кобура от парабеллума. За спиной длинный муляж трёхлинейки со штыком. Всё это великолепие венчала бескозырка с надписью «Тихоокеанский флот».

– Вот бы так в школу завалить! – мечтательно сказал Вадик.

– Родичей бы вызвали. Не успел бы даже до класса пройти, – опустил его на землю Женька.

– Угу. И милицию. Кто знает, что оружие-то не настоящее, – продолжил Мишка.

– И «дурку» ещё, как пить дать, – добавил Женька.

– Поэтому предлагаю поклясться, что никто и никогда не узнает, что здесь будет наш штаб. Это будет тайный штаб. Клянёмся?! – торжественно произнёс Семён.

– Клянёмся! – почему-то шёпотом сказали все остальные.

– А Юрка? – спросил Женька.

– Не дрейфьте, я его на себя возьму, – твёрдым голосом ответил Семён.

С этой же минуты закипела работа. Без перерывов на обеды, с утра и до вечера строили «объект». Это Женька придумал так называть склад драмтеатра. И даже выкопали тайный вход в сарай, чтобы вернуть ключ ничего не подозревавшему Юрке. Фраза «попасть на "объект"» звучала как-то особенно загадочно. Для этого необходимо было попасть во двор «Лестранса» (а там жутко злой охранник и собака), потом в углу под кустами отодвинуть кусок шифера и на четвереньках проползти внутрь.

Семён через пару-тройку недель вернул ключ Юрке с подчёркнутым безразличием. Тот обрадовался, потому что отец как-то спрашивал, но больше всего его волновало, чтобы Сёма не потребовал назад самовар. Семён жеманно пожал плечами для проформы, а потом сказал, что самовар дарит, так как видно, что он Юрке больше нужен. Ну и вообще... друг всё-таки. Что ключ когда-либо был у Семёна – как-то быстро забылось.

Обустройство тайного штаба подошло к завершению. На первом этаже был выбран приличный угол с единственным на весь склад малюсеньким окошком, которое было так высоко расположено, что носило скорее (как и всё здесь) декоративную функцию. Посередине огороженного шкафами угла стоял огромный стол, вокруг которого были расставлены шесть пусть разных по стилю, но очень красивых кресел. Египетский трон оттащили в самый край, так как не могли определить, чьим он всё-таки будет, а избавиться от такой красоты рука не поднималась. Два почти небитых трюмо. Штурвал... Огромный морской штурвал, который хоть и никак не использовался, но придавал штабу такое сходство со штабом тимуровцев из гайдаровской книжки, что аж дух захватывало. Ну и ещё куча всевозможных вещей, которые создавали неповторимое ощущение тайны.

Ребята сначала каждый день наряжались разными персонажами и часами сидели в креслах за столом, обсуждая разные мальчишеские проблемы, но потом сначала перестали наряжаться, а позже как-то разом кончились все темы.

СТАЛО СКУЧНО.

Для кого все эти переодевания, этот весёлый маскарад? Лицедейство без зрителей сродни плаванию в сухом бассейне.

Работа по созданию и благоустройству штаба была закончена. Конечно, совершенству нет предела, но, возвращаясь к первому вопросу, – для чего? Созидательная деятельность остановилась.

Женька стал поговаривать о том, что можно было бы вернуться к его первоначальной затее о «последней битве» во славу «Квадрата». Можно было бы и штаб использовать, например, для допросов пленных и тому подобное. Все вроде были не против, но каникулы потихоньку катились к своему завершению. Поглощённые интересным делом, ребята и не заметили, как пролетела большая половина лета. Август. Дворы стали пусты. Все «союзники», а главное, «противники» в пионерских лагерях, либо на море, или дачах с родителями. Когда всё это стало ясно, хандра обволокла ребят ещё плотнее.

И вот в один из таких дней Семён мастерил, сидя на полу. Он достаточно лениво, по одному в десять минут, вбивал гвозди в доски будущей дверцы-заслонки запасного выхода.

Вадик увлечённо рисовал пиратский флаг. Белой гуашью на куске чёрной материи, оторванном от какой-то гардины, видимо, части театрального занавеса. Флаг получался почему-то совсем не страшный, а даже скорее смешной и какой-то мультяшный.

Мишка возился со своим фонариком. Что-то самозабвенно скручивал, раскручивал, помогая себе движением подбородка и покусывая губы.

Женька просто сидел, мечтательно глядя в потолок, и безмятежно раскачивался на задних ножках стула. Все молчали.

Вдруг в момент звенящей тишины из-за входных ворот послышались голоса. В замок вставили ключ. Ворота (не дверца в воротах, а именно ворота) со скрипом широко распахнулись, наполнив помещение дневным светом и превращая его из таинственной «пещеры Аладдина» в убогий и грязный склад всякого хлама, чем он, собственно, и являлся. Вплотную кузовом ко входу стоял грузовик с откинутым бортом. Удивительно, что никто из ребят даже не слышал, как он подъехал.

Гордость «Квадрата», вся «великолепная четвёрка», как подготовленные спецназовцы, за четверть минуты, пока открывались ворота, оказались распластанными на полу, как говорится, слившись с ландшафтом, и затаились, почти не дыша.

На склад деловито вошли несколько человек в стройотрядовских куртках и кепках. Хотя по возрасту они явно не походили на студентов. Нежданные гости быстро рассыпались по территории.

– Алексаныч, список у тебя?! – прокричал один из пришедших. – Чё брать-то?

– Набери пока с Михалычем стульев. Вон там слева, штук семь, – ответил голос, находящийся ближе к ребятам, – а потом разберёмся.

– Пётр Васильевич, помоги стол дотащить до двери. Я, кажется, нашёл подходящий!

Судя по уверенности поведения и командному голосу, человек, которого называли Алексанычем, был старшим в этой группе. Этот человек, небрежно откидывая в стороны столь ценные для ребят муляжи оружия, направился напрямик к столу, стоящему по центру штабной комнаты.

Ребята ещё плотнее вжались в пыль, пока некто Пётр Васильевич продирался сквозь завалы из другого конца сарая. Зачем он позвал именно его, ведь совсем рядом стоял какой-то другой дядька?.. Алексаныч очень быстро добрался до стола и почему-то стал суетливо выдвигать и задвигать ящики, как будто что-то ища. Потом даже пошарил под столешницей, но, видимо, ничего не нашёл.

– Хватай за тот край! – раздражённо стукнул он кулаком по краю стола, указывая взглядом на противоположный, обращаясь к подошедшему наконец Петру Васильевичу. – Потащили!

– Аркаша, ну что ты зыркаешь на меня своими гляделками и орёшь-то всегда? – обиженно пробурчал Пётр Васильевич, берясь за край столешницы.

Стол быстро оттащили к машине.

Путём простого сопоставления Семён узнал имя старшего из гостей. Дядька Аркаша, или Аркадий Александрович. «Надо же, как отца...» – подумал он. Аркаша отдал какую-то бумажку, видимо, с упомянутым выше списком, высокому дядьке в короткой стройотрядовской куртке.

– Давайте собирайте всё по списку, а я пойду ещё один стол поищу. Главреж говорил, что вообще-то два надо. Хороших, – сказал дядька Аркаша. – Только дайте что-нибудь подсветить, а то там по углам тьма кромешная.

– А вон керосинка стоит. Посмотри, может, что осталось? – сказал Длинный, указав на стоящую рядом на бочке керосиновую лампу.

Лампа, действительно, загорелась, так как поставил её туда Женька, после того как Мишка пообещал ему давать фонарик по первому требованию, когда тот отправлялся шурудить по складу.

Незваные гости опять разбрелись по сараю, изредка перекрикиваясь по разным вопросам.

Семёна почему-то больше привлёк Аркадий Александрович, поведение которого показалось ему странным. Тот рылся в содержимом каждого найденного им стола и всё больше и больше раздражался, ничего не найдя.

«Чего он ищет?» – подумал Семён.

– Сёма, Сёма, – дёрнул Семёна за рукав Женька. – Слушай, а давайте, пока они в дальнем конце шурудят, наверх залезем, а то в конце концов нас точно застукают. Чёрт знает, что у них на уме.

– Дело говоришь, – шёпотом согласился Семён. – Айда, пацаны!

Так маленькая группа «обезьянок-игрунков» мгновенно взобралась по пыльным балкам на находящийся над штабом дощатый настил.

Расположились лёжа, в один ряд, на самом краю досок, которыми заканчивался настил пола второго этажа. Позиция была очень удобная. Весь первый этаж был как на ладони, а взъерошенные головы ребят снизу было невозможно разглядеть в естественной тени потолка.

– Смотри, смотри... – прошептал Женька. – Уже шестой стол обшаривает. Вот бы узнать, что он ищет.

– Какая тебе разница? – прошипел Вадик. – Вот нас найдёт, то-то будет: «Чё здесь забыли?», «Как сюда попали?», «Какая школа?», «Кто родители?», короче, меня мать убьёт.

– Не каркай! – вмешался всегда рассудительный Мишка. – Не будете орать, никто и не застучает. А и поймают, так тоже ничего страшного. Мы же дети. Поноём и убежим. Кому мы нужны? Меня вот больше беспокоит, что он так активно керосинкой размахивает. Полыхнёт – мало не покажется!

– А-а-ай!.. – тихо, но отчётливо вскрикнул Семён.

– Ты чего? – встрепенулся Женька, резко опустив рукой Семёнову голову, ударив её носом прямо о занозистую доску.

– Да, блин, шарик в кармане больно ляжку надавил.

– Какой ещё, нафиг, шарик?! – возмутился Женька, безуспешно пытаясь шептать.

– Красивый такой. Здесь нашёл.

– Эй, кто там? – крикнул снизу Аркадий Александрович, щура глаза, вглядываясь в сумрак под потолком.

– Ну всё... Как я и говорил! Рвём отсюда! – сказал в полный голос Вадик, вскочив на ноги.

– Куда бежать-то? Внизу их машина и шесть мужиков здоровых! – всё ещё шептал Мишка, включив свой фонарик и направив его прямо в лицо Вадиду.

– Вон! Видите – голуби! Много! И в одном месте! – сказал Женька, разворачивая своей рукой Мишкину руку с фонариком в сторону, куда упирался дальний край балки, уже не накрытой досками.

– И что?! Не время сейчас птичками любоваться! Этот исследователь столов уже лестницу твою нашёл и сюда тащит! – вспыхнул Семён.

И действительно, дядька Аркаша, оставив лампу, молча пыхтя и обливаясь потом, тащил длинную лестницу, в своё время брошенную Женькой, в сторону, откуда слышалась ребячья возня.

– Ну что вы не догоняете-то? – Женька рассерженно топнул ногой. – Голуби-то сюда как-то попали? Значит, форточка есть. Нам хватит. Пусть даже и заколоченная. Ничего, выбьем!

– А как же мы туда?.. Ну это... По балке, что ли? Темно. Да и, прямо скажем, высоко-вато, – взволнованно поинтересовался Мишка. – Долбанёшься – костей не соберёшь.

– Ну ты – башка, Жека! – сказал Семён. – А что, есть другие предложения? – обратился он уже к Мишке. – Айда, пацаны! Жека первый, я замыкаю, – Семён махнул рукой. – Только вниз не смотрите.

– Эй, ребята, не бойтесь! Подождите! Я только спросить хочу! Не убегайте! – закричал Аркадий Александрович, с осторожностью взбираясь по лестнице. – Ничего тут странного не находили?

Но его уже никто не слушал. Балка хоть и длинная и сильно пыльная, но широкая. Женька уже был у цели и возился с окошком. Мишка и Вадик, как цирковые артисты, широко расставив руки, медленно, но верно приближались к противоположному краю. Семён оглянулся и, увидев появившуюся в проёме пола седую голову, раскинув руки, уверенно ступил на балку.

– Стойте! Стойте! Я только спросить! – неслоь вслед. – Мужики!.. Михалыч!.. Василыч!.. Ловите там внизу! Тут пацаны какие-то лазают! Наверное, стырили много! Ловите их! – продолжал кричать Аркадий Александрович, но уже обращаясь к своим коллегам.

Женька уже выбил ногами доски из заколоченной форточки. Голуби, недовольно урча, разлетелись. Стало значительно светлее. Ребята были готовы вылезти на крышу и ждали только Семёна, который осторожно двигался к цели.

Преследователь был уже наверху и орал находящимся снизу коллегам, раздавая команды по поимке беглецов.

– Сёма, давай быстрее! – кричали ребята все одновременно. – Быстрее! Быстрее!

Семён уже освоился и двигался довольно уверенно, но тут произошло нечто непредвиденное!!!

Семён был в сандалиях. Сандалии хорошие, удобные, на каучуковой подошве. На ноге сидели как влитые. Но кто мог предположить, что на пути встретится огромный гвоздь, на целую половину торчащий из балки. Наверное, когда-то он крепил одну из досок настила второго этажа. Доски уж давно и в помине не было, а он, ишь ты, торчал целёхонький.

Семён даже испугаться не успел, как неведомая сила столкнула его с балки, рррраз-верну-л-а-а-а-а вокруг неё. Сёмка оказался висящим с нижней стороны, держа пыльную деревяшку руками с боков. Именно с боков, так как балка была очень толстая и полноценно зацепиться за неё, обхватив руками, не было никакой возможности. Фактически держался он только на том самом гвозде, который проделся за одну из шлёвок сандалии.

Ребята разом затихли.

– Во-о-о, блин, грохнулся! – протяжно сказал Женька. – Сэм, ты жив там?!

– Да, только голова закружилась, – ответил Семён. Его голос звучал откуда-то снизу, поэтому, видимо, все и решили, что он упал на пол.

– Мы щас! – ребята секундой вылезли в окно.

Дядька Аркаша, видимо, оценив ситуацию, что гнаться не за кем, резко развернулся и направился к лестнице.

Минуты тянулись бесконечно, руки потихоньку слабели, а пыль с балки сыпалась прямо в рот. Идея была только одна – подтянуться на руках, перевернуться и поползти по балке в сторону форточки. Но идея – она и есть идея. Вместо подъёма с переворотом ослабевшие руки соскользнули по пыли и сорвались. Семён окончательно повис в буквальном смысле на одном гвозде головой вниз.

Голова отяжелела. Зато обзор был потрясающий. Вокруг горящей керосинки собрались все приехавшие рабочие во главе с Аркадием Александровичем. «Зачем она горит, если от приоткрытых ворот внизу и так светло?» – подумал Семён.

Дядька Аркадий что-то громко говорил, размахивая руками. По обрывкам фраз было понятно, что он уговаривает коллег остаться, но безуспешно. В конце Длинный безнадежно махнул рукой, и незваные гости попрыгали в машину. Даже «преследователь», немного помявшись, присоединился к остальным. Одновременно Семён видел внизу своих троих друзей, которые сбились в кучку за какими-то крупными декорациями и, видимо, выжидали удобного момента, чтобы броситься на выручку упавшему, по их мнению, товарищу.

Через минуту из кузова выскочил один из дядек и, явно нервничая, захлопнул ворота, даже не закрыв их на ключ.

Стало опять темно. Темнота нарушалась только мерцанием керосиновой лампы. Завёлся мотор.

– Наверх смотрите! Я тут! – попробовал прокричать Семён, хотя пыль не давала сделать полноценный вдох для этого.

Женька, Вадик и Мишка выскочили из своего укрытия, глядя вверх, громко крича и сметая всё на пути.

Под это «всё» попала и зажжённая керосинка...

Огонь вспыхнул сразу и сильно. Языки пламени моментально охватили половину первого этажа.

Трое друзей как-то незаметно оказались на улице перед незапертыми воротами. Мгновенно распахнули их настежь, но это не только не помогло, а наоборот, ворвавшийся воздух дал пожару новые силы, и деревянные декорации разгорелись ещё пуще, весело потрескивая,

как пионерский костёр. Изю всех щелей склада повалил дым. Ребята истошно орали, пытаюсь голосом побороть страх, обращаясь внутрь склада к Семёну, ко всем случайным прохожим и вообще...

Семён почему-то вспомнил, как в прошлые выходные с отцом на даче запекали курицу над углями, и даже улыбнулся. Хотя радоваться было уж точно нечему. Он висел головой вниз, держась на гвозде за шлёвку сандалии одной ноги, на высоте около трёх метров над полыхавшим полом. Даже если сандалия порвётся и он, если удастся, удачно упадёт, не искалечившись, на хаотично сваленные внизу декорации, то бушевавший внизу огненный шторм не оставлял никаких шансов на выживание. По закону подлости декорации, конечно же, состояли наполовину из стекла. Там были какие-то зеркала, трельяжи и сплошные острые углы. Странно, но страха не было. Возникло какое-то оцепенение и чувство полного смирения перед судьбой. Истошные крики друзей он перестал слышать на первой же минуте. Они полностью затмились грозными звуками разбушевавшейся стихии. Жарко было так, что мозг требовал только одного – упасть хоть куда-нибудь, только, чтобы эта попытка быстрее прекратилась. Плюс ко всем невзгодам сверху, как десница Божья, постепенно приближалось облако густого дыма, плотность и цветовая гамма которого явно не предвещали улучшения положения беспомощного Семёна.

Пот лился градом по всему телу, включая ноги. Потихоньку опустошались карманы, содержимое которых нещадно высыпалось и неизменно исчезало в огне. Связка домашних ключей, ручка с колпачком из кости (папка подарил), ещё что-то... и вдруг... произошло чудо!!! Другого эпитета подобрать невозможно.

Вниз полетел необычный шарик, который Семён подобрал здесь и бросил в карман, чтобы рассмотреть дома получше...

Шарик выпал из ящика большого стола, когда ребята тащили его в штаб. Сантиметра два в диаметре. Сбоку маленький, едва заметный скол и двойная бороздка по окружности. Он был не то керамический, не то стеклянный, не то пластмассовый. Иногда почти прозрачный, а иногда непроницаемо-матовый, даже если его приставить к окну. Всегда холодный на ощупь. Не прохладный, а именно холодный. Своего цвета он тоже не имел. Не то чтобы у него его не было, а просто он был всегда разный. Притом вне зависимости от окружающей среды, как хамелеон, что было бы хоть немного объяснимо, а как-то по своему плану... Внутри иногда была видна точка красивого голубого цвета.

Шарик упал точно под висящим вверх ногами Семёном, скользнув обжигающей льдинкой вдоль всего левого бока. Никуда не укатился, а лежал в полутора метрах от Семёновских глаз, на этот раз сине-белого цвета и (сознание отказывалось верить) покрытый инеем!

Вокруг упавшего шарика образовалась окружность метра в два с половиной в диаметре, внутри которой не только не было огня и дыма, но даже не было жарко. Эта благодать распространилась не только вокруг, но и вверх, как будто защитным пузырьком обернув Семёна во весь рост. Вокруг бесновался пожар, а Семёну было даже комфортно, если можно так сказать о человеке, висящем вниз головой. Кстати, и эта неприятность разрешилась так же неожиданно, как и другие. Шлёвка сандалии просто оторвалась. Семён упал вниз, но настолько удачно, что только чуть-чуть оцарапал руку об угол зловещего зеркала.

Падение произошло как нельзя вовремя. Облако того самого удушливого дыма, от которого интуитивно чувствовалась угроза, опустилось ровно к тому месту, где у Семёна секунду назад была голова, и продолжало опускаться всё ниже и ниже. Интересно, что неведомая сила шарика на него почему-то не действовала. Уже пришлось пригнуться. Однако в указанном радиусе вокруг шарика огня пока не было, и надо было действовать.

Хорошенько занялся второй этаж, и в дальнем углу над штабом с грохотом и треском обваливались балки. Ворота, или то, что от них осталось, были распахнутыми настежь. Было хорошо видно пожарную машину с суетившимися вокруг пожарными. Правда, тушить ещё

почему-то не начинали. Там же было полно людей. Только разглядеть кого-либо не представлялось возможности из-за пелены огня между ними и Семёном. Надо было как-то пробиваться к выходу.

Появилась идея. Семён аккуратно носком порванной сандалии толкнул шарик по направлению к воротам. Догадка подтвердилась. «Круг безопасности» переместился следом. Только облако дыма продолжало опускаться. Балки второго этажа пылали прямо над головой. Ворота были совсем рядом. Семён ещё раз слегка подтолкнул шарик, но на этот раз уже локтем, так как из-за дыма стоял на четвереньках. Путь открыт! Семён был уже снаружи, правда, многочисленные зеваки и пожарные не смогли бы его увидеть, даже если бы захотели. Чёрный дым, чёрный он. Семён протянул руку за своим спасителем. Уже ощутил, как мороз прилепил поверхность шарика к его ладони, как в этот момент, изрыгая ужасный грохот и фонтан искр, упала горящая балка, на которой ещё несколько минут назад висел он в такой нелепой позе.

Как потом рассказывали Семёну, его выбросило тепловой волной из распахнутых ворот прямо под ноги пожарным...

...Уже лёжа на больничной койке, – всё равно так положено, даже если ничего и не болит – Семён решил, что про шарик говорить кому-то глупо. Всё равно не поверят. Да может, все эти чудеса ему и правда почудились под влиянием сильнейшего стресса, а в «дурку» как-то не хотелось. Проблем и без того хватало. Долго ещё изо дня в день приходил милиционер и докапывался, как да что...

Эпизод 6

Как-то в детстве нашли пистолет.

В то время Семён и его закадычные друзья учились уже в седьмом. Город, имея статус областного центра, активно строился, и для этого старые «деревяшки» сносились целыми кварталами. Время было упорядоченное – советское, и поэтому, прежде чем загонять технику,носимый район сначала огораживался и сдавался под охрану злющим дядькам и собакам. Отец объяснял Семёну, что охрана нужна для того, чтобы забывчивые бывшие жильцы имели возможность окончательно вывезти и вынести нажитое добро из своих старых домов либо разобрать их по брёвнышкам для продажи или перевозки на дачу. Позже давались разрешения разным службам, включая даже археологов. Короче говоря, старые домишки оканчивали свой век с уважением и достоинством. Во всяком случае, Сёмке так казалось. Квартал около полугода стоял в запустении, источая загадку и запахи старины.

Для всех местных мальчишек, не исключая Семёна, это был сущий рай. Они, как сталкеры, пробивались на запретные территории, используя для этого миллион способов и потайных ходов. Выявленные секретные ходы тут же объявлялись собственностью тех, кто их нашёл, ими же охранялись и использовались.

Так уж получилось, что на носимую территорию вёл только один безопасный путь, проходивший вдоль теплотрассы, заросший крапивой и какими-то кустами с острейшими колючками. Его так и называли – «крапивный ход». Много раз его приходилось отстаивать в боях с «паклевскими», и всё же право владения окончательно закрепилось за «Квадратом». И пользовались ребята этим лазом несколько раз на дню, совершенно пропадая из поля зрения родных. Но никто особо не переживал, так как времена были спокойные и упорядоченные. А зря, кстати, так как этот «одичавший мир» таил в себе немало опасностей. Участники вылазок три раза проваливались в коллекторы, два раза – в подвалы с крысами, один раз еле потушили пожар, а электричеством Жеку разок потрянуло так, что он вырубился минуты на три. Ну да много ещё чего.

Семён насобирает дома столько всякой всячины, что всерьёз мечтал, что когда-нибудь откроет музей. В коллекцию входили и «тыщщи» старинных денег, и фарфоровая супница императорского завода, поднос с клеймом 1812 года, серебряная чернильница и ещё много-много чего другого.

Оружие находили и раньше. Оно всегда было либо сильно поломанное, либо запредельно ржавое, но всё равно находкой гордились и не упускали момента ею похвастаться к зависти остальных.

В этот раз дела обстояли со-о-о-всем иначе. Найденный ТТ был весь в масле, обёрнут в пергамент и аккуратно упакован в деревянную коробку с нарисованной на ней красной звездой с серпом и молотом. В этой же коробке упакована и картонка с патронами. Всё это хозяйство завернуто в тряпку, которая была засунута в двойное дно безжалостно разломанной Мишкой дубовой кровати.

О том, чтобы рассказать кому-то о находке, даже мысли не возникло. Напротив, поклялись друг другу главной клятвой – «Вот те круг!», – чтобы свято хранить тайну. Сёмка забрал пистолет с собой, так как непосредственно он вытащил тряпку с коробкой из обломков кровати.

Тут всё и началось.

Во-первых, дома он не знал куда положить находку. Долго ходил по квартире, заглядывая в каждый угол. Благо родители были ещё на работе, а сестра – в музыкалке. В итоге не придумал ничего лучше, как вытащить пистолет из коробки, которую тут же выбросил в мусоропровод, и засунуть его под матрац в своей спальне. Картонку с патронами просто положил в ящик письменного стола.

Весь вечер жгуче хотелось кому-нибудь его показать. Хотя бы сестре. Сдержался.

На следующий день, сразу после школы, ребята всей секретной компанией завалились к Семёну. Пистолет долго переходил из рук в руки. Друзья просто упивались этой тяжестью в руке. Вводили затвор и щёлкали спусковым крючком, хотя и не сразу. Сначала было как-то боязно, думали: «А вдруг он заряжен?» Потом, как всегда, Женька сделал это первым, отвернув дуло к стене, и понеслось... Сёмка даже кожу на пальце содрал. Долго потом ещё заживало. Забили патронами обойму, но вытащили её из пистолета и положили в стол.

Следующим вечером, так же без обоймы, Семён запихнул пистолет под ремень, накрыв рубашкой, и вышел на улицу.

Господи! Как же ему хотелось, чтобы хоть кто-то заметил, что он у него есть. Большой, настоящий, холодный и тяжёлый. Но он уже был достаточно взрослым, чтобы понимать, какие неприятности это может повлечь. Тем более, что теперь, как по заказу, вся информация о хранении оружия вываливалась со всех сторон прямо в мозг! Фильмы, книги, газеты и даже военрук в школе постоянно твердили о том, к каким непредсказуемым последствиям может привести незаконное владение оружием и какую опасность для общества это представляет. Казалось, будто все люди в мире уже догадывались о его секрете.

Не хватало основного ощущения. Утром одного из воскресных дней, когда главный источник риска – Женька – уехал на дачу, а Вадьке с Мишкой Семён сказал, что сам уехал, он... вставил обойму.

Когда Семён шёл по улицам ещё не совсем проснувшегося города, встречая редких прохожих, то как будто сам чувствовал ту опасность, которая от него исходила. «Вот видите паренька, идущего по дорожке, а он-то может одним движением пальца прекратить вашу жизнь», – невольно лезли в голову чёрные мысли. Ноги вели в самые-самые глухие закоулки. И, ей-богу, даже хотелось, чтобы кто-нибудь напал. Даже не спасти кого-то, а именно защититься от произвола, и защититься жёстко, по полной мере. Но, как назло (а может, и к добру), не встретилось даже ни одной бродячей собаки. Он чувствовал свою опасность и исключительность и какое-то неизведанное прежде чувство превосходства над обыденностью. Много позже он ещё раз испытал подобное чувство, когда заработал первые в своей жизни действительно большие деньги и хотел даже не известием об этом, а каким-нибудь неординарным поступком ошарашить ничего не подозревающих людей.

Семён подумал: «Я опасен всем. Я опасен себе».

Дошёл до середины моста и решительно бросил пистолет в реку.

Эпизод 7

Поцелуй – самое лживое проявление чувств из всех, которыми Создатель наградил человека. Только он максимально сближает даже ранее малознакомых людей, рождает надежды и одновременно не гарантирует ничего. Конечно, как и во всём прочем, у любого явления есть много разновидностей и оттенков. Думается, что никто не будет спорить, что это уникальное действие присуще именно человеку.

Но даже поцелуй матери не совсем искренен, так как это лишь мизерная толика тех чувств, которые она хочет проявить по отношению к своему чаду. Не зная, как ещё выразить свои чувства, иногда ещё мамочки используют странное устойчивое выражение: «Я бы тебя прямо съела...» ...А если вдуматься, то это же ужас какой-то... Ну да не об этом...

Воскресный день. Она пришла... Она держала в руках плюшевого мишку и розовый воздушный шар. Толстая тётка неподалёку от парка за три копейки надувала шары газом всем, кто попросит. Пришла на торжественную церемонию прощания с детством, устроенную Семёном на крыше стройки, находящейся рядом с домом. Были друзья со двора, несколько одноклассников и одноклассниц, которые тоже притащили свои сокровенные игрушечные сокровища.

Около трёх тысяч разномастных солдатиков были аккуратно выстроены на развёрнутых листах ватмана. Эти листы были прижаты по углам пластилиновыми макетами сказочных кораблей и замков. И сами они были не просто листами бумаги, а являлись красочными картами с изображёнными на них диковинными странами. По центру «военного парада» располагался целый город из перевёрнутых коробок из-под обуви. Коробки были оформлены под домики – с окнами, дверями и вывесками. На некоторых маленьких окошках были даже разноцветные бумажные шторы, а коробка из-под женских сапог стала центральным зданием импровизированного посёлка. Фломастером были изображены брёвна стен. Под красочной вывеской *SALOON* открывались, как и положено, в обе стороны, маленькие двери, исполненные с большой тщательностью. Улочки городка вплотную были заставлены машинками всех мастей. Но только моделями гражданской техники. Все танки, ракетницы и броневики стояли на ватманах рядом с солдатиками. В углу композиции были усажены несколько кукол, спина к спине. Красиво причёсанные, с косичками и бантами, они смотрели распахнутыми наивными глазами в небо, покоряясь судьбе. По краям хаотично расставлены самолёты, ракеты и корабли.

Все посмотрели на новую гостью.

– Я утром уезжаю с родителями в другой город. Навсегда. Вот пришла попрощаться. Куда его? – она робко протянула своего мишку в сторону ребят.

Присутствующие расступились.

Семёна тянуло к ней с четвёртого класса. Тянуло силой какого-то неизвестного ему свойства. Как и должно быть в этом возрасте – без взаимности. Её больше забавляли двоечники и хулиганы. Хотя сама она была фифой и отличницей.

– Принёс? – спросил он, обращаясь к чумазому и взъерошенному мальчишке в синей школьной куртке и потёртых джинсах, что было большой редкостью.

– Во!.. – ответил тот, искря голубыми глазами и вытянув руку с бидоном из-под кваса.

Несмотря на достаточно свежий ветерок, отчётливо потянуло бензином.

– А спички есть у кого?

Пацаны активно засуетились, извлекая из некоторых карманов коробочки. Немногочисленное девчачье общество сгрудилось около лестницы, ведущей вниз. Все, кроме неё. Она, напротив, подошла ближе к организатору действия.

Детский игрушечный городок по всему периметру облили содержимым бидона, а сам сосуд установили на крышу одного из домиков рядом с центром посёлка, привязав к ручке её воздушный шар.

Торжественность момента явно требовала каких-то слов, и Семён даже собирался что-то произнести, но не успел. Мальчишка в потёртых джинсах бросил зажжённую спичку без предупреждения. Пламя резко обдало всех жаром. Девочки звонко завизжали и ещё теснее сбились около лестницы. Ребята тоже отошли подальше и мечтательно смотрели на огонь.

Она подошла ещё ближе и взяла его под локоть, не сводя глаз с горящих игрушек.

Сначала огонь был совсем прозрачным и почти не видимым на фоне чистого летнего неба с лёгкой синевой по краям. Но по мере того как всё больше игрушек поглощались пламенем, дым сначала темнел, потом совсем почернел. Сердце защемило от грусти. Особенно много черноты добавили казеиновые куклы. На них было особенно невыносимо смотреть. Лица искривлялись в ужасных гримасах расплавленной пластмассы. Яркое пламя и чёрный-чёрный дым. Сквозь него иногда проглядывали всё те же широко открытые, доверчивые, смотрящие в небо глаза...

Ветерок утих, и дым стал подниматься ровной чёрной палкой прямо вверх. Очень высоко. Стала заниматься облитая битумом крыша, добавляя черноты в столб дыма.

Девочки давно прекратили визжать и, что-то бурча под нос, деловито удалились. Оставшиеся тоже постепенно стали выходить из первоначального ступора. Кто-то поспешил retirоваться вслед за слабым полом, а остальные лихорадочно бегали по крыше в поисках чего-либо, что помогло бы справиться с набирающим силу пожаром. Где-то вдали слышались сирены пожарных.

Наконец, кто-то додумался распотрошить два мешка с цементом и засыпать пожарище. Вой сирен всё приближался. К чёрному дыму прибавилась серебристо-серая пыль. Пожарные были совсем близко. Пацаны убежали, сначала предложив Семёну последовать за ними, но потом, увидев обнявшуюся неподвижную серо-чёрную пару, только отмахнулись и скрылись.

Металлический, зазывный, скрежещущий вой сирен впивался прямо в мозг. Крыша опустела. Только чёрный дым стелился по ней, едва достигая колен. Выше – марево пыли. Среди этого – две слившиеся в одну фигуры.

Любой первый опыт бесценен. Чувство первого поцелуя также невозможно испытать дважды. Сначала чрезвычайно трепетный и нежный, в раскрасневшееся до прозрачности ушко. Потом как в омут. Ощущение времени улетучивается. Границы пространства и времени стёрты. Мысли в голове путаются и кружатся: «Как себя вести?.. Что дальше?..» Поцелуй во все времена имеет такое мощное значение, такой подтекст!!! Чувство безмерной эйфории. Очень искренне. В этом поцелуе множество нежности и ласки. Летишь. Поцелуй с ангелом. Вдруг понимаешь, что она – главный в мире человек, с которым хочется быть всегда. Растворяешься. Ещё далеко до умения сдерживать чувства и эмоции...

Вой сирен стал невыносим, так как несколько машин съехались прямо под здание. К сиренам добавились крики пожарных.

– Бежим! – крикнула она, с силой отпрянув.

– К-конечно. Д-давай... – ответил он, возвращаясь в реальность.

– Я жизнь положу, только бы завтра остаться! – вдруг звонко и немного надрывно крикнула она сквозь нарастающий шум.

Шарик летел уже высоко-высоко... Сразу под ним – немножко напоминающее сердце чёрное облако дыма...

...Конечно, уехала. А как могло быть иначе?

Эпизод 8

Наконец! Свершилось!

С пятого класса Семён бредил морем. Первоначальная гусеничка детской тяги к приключениям, возникшая на основе первых книжек о пиратах, окуклилась более серьёзным чтивом, типа Станюковича, и завершила своё превращение в бабочку-цель. После детального штудирования пачки старых истрёпанных специализированных журналов «Морской флот», оставленных в один из отпусков старшим братом Женьки, который работал старпомом где-то в «Севморпути».

Вот оно! Вот оно!.. Сладкое ощущение победы. Безраздельное обладание достигнутой целью. Семён млеет, ещё и ещё раз вытаскивая из конверта зелёный листок и перечитывая известие о зачислении его в Рижскую мореходку – «Рижское МОРЕХОДНОЕ УЧИЛИЩЕ Министерства морского флота СССР!.. Решением приёмной комиссии... Приказ №... Прибыть в расположение... Зачислен на довольствие...» – с упоением читал он каждое слово, шевеля губами. Всё это и было настоящей первой взрослой победой. Лично его победой. Никто не верил. Даже отец. А сейчас даже детский талисман-шарик, как показалось Семёну, обрадовался успехам хозяина и поменял цвет на светло-голубой! Чушь, конечно, но Семёну действительно казалось, что всё вокруг поменяло свою окраску на более радостную и оптимистичную.

Первоначально был разработан детальный план достижения «невозможного». Куплен справочник для поступающих в средние специальные учебные заведения. Разосланы робкие запросы-письма, полные романтики и надежды. Первые сухие официальные ответы пришли из Одессы, Херсона, Владивостока и Риги. Выбор пал на Прибалтику. Всё-таки «витрина СССР». Потом целый год самостоятельных усиленных занятий по школьной программе, по предметам, необходимым для поступления. Классная руководительница, англичанка, была в шоке от того, как подскочила успеваемость Семёна, в том числе и по её предмету.

Конечно, сказал пацанам. Из всех них шанс был только у него. Женька точно не прошёл бы по учёбе, Мишка – по зрению, а Вадик даже и подумать не мог, как это он скажет матери, что оставит её одну, а сам уедет куда-то далеко-далеко. Пришёл вызов на вступительные экзамены. Вот здесь-то и пришло время сказать о безумной затее родителям...

Отец только махнул рукой и сказал: «Езжай, мать, с ним сама. Но это пустая трата времени. Ничего у вас не получится». А мама, хотя и бесконечно страдая от возможной разлуки с сыном, но веря в то, что воспитала НАСТОЯЩЕГО мужчину, в итоге обняла и стала звонить своей не очень близкой знакомой в Ригу с просьбой приютить скитальцев на пару неделек...

...Четыре человека на место! Ребята со всего Советского Союза! Все вместе жили в казарме (по-морскому – в кубрике). Познакомились с выпускным курсом. Те были в глазах четырнадцати-пятнадцатилетних мальчишек просто героями их грёз. Морские волки. Тем более, что многие уже по разочку были отчислены в своё время за какие-нибудь «фантастические геройства» и уже даже отслужили в армии и восстановились. Кто-то перевёлся с заочного отделения, уже успев походить в море простым матросом или мотористом. Пара человек с выпускного курса были назначены старшинами-наставниками к «абитуре». Именно они и стали первыми проводниками во взрослую жизнь. Навсегда запомнились Семёну курсант Скобелкин и старшина Макаров. Оба отслужили, а боксёра Скобелкина даже выгоняли два раза, и оба за драку! Там Семён первый раз попробовал водку. Не понравилось, но... нельзя же было ударить в грязь лицом перед пацанами.

Практически не готовясь, всё сдал на «отлично». Сказались безудержные самостоятельные занятия дома. После последнего экзамена гордо вышел из училища. Прорвался сквозь толпу волнующихся родственников на бульвар Кронвальда и на трамвае, как заправский рижанин, добрался до улицы Театрас, где у подруги жила мама. По дороге выскакивал из трамвая

и купил цветов. Настоящий мужик! Он был уверен, что поступил, и всё же очень хотелось официального подтверждения, увенчавшего его труды...

...Вот оно! Вот оно! «...Приказом №... Зачислены на довольствие...» – ещё и ещё впитывал каждую букву извещения Семён.

– Сына, к телефону! – прервала сладкие грёзы мама.

– Иду. Кто?

– Кто, кто... Понятно, Женька твой, – громко отвечала мать, вытирая извалянные в муке руки кухонным полотенцем. – Давай быстрее, а то у меня пирог подгорит.

– Бегу! Алло!

– Привет, мореман! – послышался знакомый голос из трубки. – Ты чё зашхерился? Я тебе уже третий раз звоню.

– Жека! Жека! Пришло! Пришло! – взволнованно прошептал, но прошептал громко Семён.

– Господи! Что пришло-то? – спокойно спросил Жека. – Неужели послание от братьев по разуму?

– Ты не поверишь, уведомление о зачислении в мореходку пришло! С первого сентября на учёбу.

– Это невероятно! – с деланным изумлением произнёс Жека.

– Чел сдаёт вступительные на все «пятаки», а его учиться приглашают... Надо же! Даже в голову такое не придёт!

– Ладно... чего звонишь-то?

– Извините, конечно, что помешал чемоданы собирать, но ты не забыл хоть, что у твоего лучшего друга день рождения сегодня, и через час у меня почти весь класс собирается? – продолжал Жека.

– Ёшкин пароход! – закричал в трубку Семён. – Я же был уверен, что завтра!.. Я с этой мореходкой просто голову потерял!.. Поздравляю, брат!.. Бегу, бегу!..

– Мама!.. – Семён бросил трубку и уже кричал в сторону кухни.

– Чего?! – раздражённо, но нежно отвечала мать, видимо, опять отрываясь от пирога.

– У Жеки сегодня день рождения, а я с завтра перепутал! Уже через час к нему гости приходят, а у меня и подарка нет! Что делать-то?

– Ну, во-первых, не кричи, – спокойно сказала мать, садясь на табурет. – Возьми какую-нибудь книжку хорошую и («Ай, ладно...» – махнула она рукой) пирог вот вишнёвый заberi. А я сейчас тётке Лиле позвоню, поздравлю, – добавила она.

– Спасибо, ма! – чмокнул Семён мать. – Ты у меня лучше всех! Ну так я побежал?

– Беги, беги. Можешь джинсы новые надеть, что отец тебе привёз.

– Спа-си-бо!..

«Весь класс» это, конечно, громко сказано! Собрались только четыре унылые одноклассницы, совершенно случайно не уехавшие куда-нибудь на лето, да Вадик с Мишкой, которых просто не могло не быть. Зато был Женькин брат-моряк и куча его друзей, воспользовавшихся дополнительным поводом для того, чтобы собраться за столом, откровенно говоря, просто полопать от пуза и немножко выпить.

Начался праздник. Как и положено, много ели. Тётя Лиля приготовила шикарный стол. Говорили тосты, девчата подготовили музыкальный подарок и спели сочинённую ими смешную песню про Женьку, а друзья брата под гитару исполнили модную песенку «...Вот стою, держу весло, через миг отчалою...». Смеялись, немного танцевали и шутили... Вадик подарил «Энциклопедию древнего мира». Единственная тема из школьной программы, которая была действительно интересна Женьке.

Торт, чай и пирог...

Старшие, во главе с Женькиным папой, пошли покурить на кухню.

– Да разве это нормальная работа? – почти кричал Женькин брат. – По восемь месяцев дома не бывать... Копейки... Обычная средняя зарплата... Только что тратить некуда, вот и скапливается к отпуску... Да я и развёлся-то только из-за этого... Вон папа знает...

– А я тебе ещё в школьные годы говорил, что не надо в эту дурацкую Макаровку идти! – отвечал Женькин папа, несильно, но раздражённо стукнув кулаком по столу. – Мореходка! Мореходка!.. Всю жизнь запоганил... А какие у тебя успехи в физике были!

Ну и тему завели! И это в тот момент, когда Семён только собирался торжественно похвастаться своим главным достижением в жизни. Но пока засунул поглубже в карман аккуратно сложенное извещение из Риги и стал ещё внимательней вслушиваться в хмельную речь гостей.

– Если бы в Норвегию не зашли на ремонт, то и бонов бы не было, – продолжал плакаться на жизнь Женькин брат. – Как бы я тогда младшему мафон купил?.. В «Берёзке» на деревянные же не отпускают.

Всё курящее общество одобрительно загалдело.

– Палыч, ты, конечно, извини, но я тебе так скажу... – громко начал один из самых нетрезвых гостей, обращаясь к Женькиному брату. – Просрал ты жизнь. И всё потому, что мечтательный слишком был всегда. Кому нужны эти моря?! Надо было батю слушать... Только настоящие ослы идут по твоим стопам...

«Ну что же он молчит!» – внутренне вскипал Семён.

– Ослы, козлы и неудачники! – на свою беду продолжил пьяный гость.

Этого уже Семён не выдержал. Он не мог дальше слушать, как убивают мечту и превращают его великую персональную победу в ничто... Более того – в поражение! «Наверное, так же остро, – подумалось Семёну, – реагируют ветераны, когда говорят, что во Второй мировой победили американцы».

На глаза как будто опустилась пелена. Сознание затуманилось. Внутри был только кипучий гнев и невероятная злость (раньше такое чувство он испытал лишь единожды, когда бил Любомирова за то, что он высмеял его перед всем классом за тёплые отношения к однокласснице). Ладонь зажала лежащий в кармане джинсов шарик-талисман, превратившись в грозное оружие, сродни кастету, а через долю секунды, уже сжавшись в кулак, несколько раз обрушилась с невероятной силой и скоростью в челюсть пьяному негодяю:

– Он не неудачник! Никто не неудачник! Не осёл! И не козёл! Понятно тебе??? Понятно???

...Забирать Семёна заехал отец, который даже не стал себя утруждать извинениями за поведение сына, а, напротив, обвинил во всём хозяев... У отца Семёна было всегда твёрдое убеждение, что его дети САМЫЕ лучшие, а значит, не могут быть неправы. И тем более, хоть отец и не произносил этого вслух, а было понятно, что он горд сыном, доказавшим своим поступлением, что он имеет своё мнение и способность достигать поставленной цели. Отец практически каждый день говорил, сколько себя помнил Семён, и ему, и его сестре: «Человек должен быть целеустремлённым!..»

...Удивительно, но с Женькой сдружились ещё больше. В конце августа Семён уехал в Ригу. С долей зависти к его победе провожать пришли все...

Эпизод 9

– Сёма, спишь? – прозвучал вопрос, одновременно с лёгким ударом ноги по спине, выдернув Семёна из дрёмы.

Семён только сменился после круглосуточной вахты дежурного по учебному корпусу и залез на свою любимую верхнюю койку немного передохнуть. Прямо под ним находилась койка его друга Игоряхи. В училище, вообще-то, все, даже командиры и преподаватели, именовали его Тундрой, так как приехал он из далёкого северного города Певек. Тундра, видимо, только проснулся, так как, когда Семён зашёл, он сладко сопел, отвернувшись к стене.

– Спал, – раздражённо ответил Семён, поворачиваясь на бок.

Солнечное летнее воскресенье над Ригой. Все, кто не ушёл в увольнение или не был в наряде, чмонели по кубрикам, занимаясь теми личными делами, на которые всегда не хватало времени, желания или сил. Второй год учёбы в мореходке. Учёба была достаточно интенсивной, а учитывая дополнительную нагрузку от военной кафедры и хозяйственно-строевых дел, вообще всё больше гробила юношескую романтику. Все с нетерпением ждали практики. В настоящее море! Но пока в субботу строевая подготовка была всю первую половину дня, так как училище готовилось к параду на 9 Мая. На личные дела осталось только воскресенье.

Кто-то тупо спал. Кто-то гладил, шил или стирал чего-то. Кто-то строчил по несколько писем в разные адреса. Айвар из первой группы решил наконец починить телевизор в Ленинской комнате. В третьем кубрике расписали преферанс, из-за закрытой двери раздавались возгласы азарта и валил плотный сигаретный дым. Дневальному было строго-настрого приказано орать доклад как сумасшедшему, если вдруг пойдут с обходом. Некоторые читали, а курсант Вареник разложил кульман в коридоре и с вдохновением художника готовил чертёж для сопромата, мешая всем проходить.

– Поехали в общагу медучилища. Чё валяться-то целый день? – бодрим голосом сказал Тундра.

– Иди к чёрту! Ты спал ночь и сейчас половину дня, а я дежурил, да ещё с «кап три» Барером. А он, сам знаешь, не даёт вахте расслабиться.

– Ну, Сёма, не ленись. Выходной же. Можно официально в увольнение соскочить.

– Иди к чёрту, – повторил Семён и накрылся подушкой.

Ровно через час Семён, выпавшись, перегнулся через край койки, потерял опять храпвшего Тундру.

– Ладно. Давай поедим, – сказал он.

– Куда? – продрал глаза ничего не понимающий спросонья Тундра.

– Куда-куда... Ты же предлагал в общагу съездить.

– Так это когда было-то. Надо же было позвонить предварительно, а то без предупреждения в Иманту переться... А если их нет?

– Ну нет так нет, тогда я пойду постирушку устрой. Давно собирался, – сказал Семён, прыгивая вниз.

– Угу, – согласился Тундра, смачно потягиваясь.

Прошёл ещё час. Семён развешивал сушиться свежевystиранные вещи в мойке.

– А я позвонил, – появился в проходе улыбающийся Тундра. – Ждут.

– Тундра, ты на часы смотрел? – спросил Семён, выжимая вафельное полотенце. – Мы даже увольнительные подписать не успеем.

– Да бог с ними, – Тундра взялся за один край полотенца, помогая выжимать. – Давай так соскочим. Что, в первой, что ли?

– Не-е. Уже настроя нет. Погладить ещё надо, – ответил Семён. – Да, кстати, нет желания английский у меня списать? Тебя же завтра спрашивать будут. Помнишь?

– Да-а... – задумчиво промычал Тундра, почесав затылок.

Прошёл ещё час.

– А ты когда звонил, с кем говорил-то? – поинтересовался Семён, убирая конспект по английскому в тумбочку.

– Да с Иветткой. Она сказала, что тоже дома сидят, – ответил Тундра, тоже убирая свою тетрадку. – Сегодня вторая серия «Миража» вечером. Вот ждут всей общагой. Да остынь ты. Давай тоже посмотрим. Айвар телек починил.

Прошёл ещё один час. В окно было видно, что погода портится. Небо затянулось тучами. Поднялся сильный ветер. Семён с увлечением читал «Королеву Марго», закончив глажку.

– А ты что спрашивал-то? – вдруг встрепенулся Тундра, отвлёкшись от ничегонеделанья.

– Что спрашивал? – затуманенными от книги глазами посмотрел Семён на друга.

– Ну там... кто трубку взял...

– Блин, Тундра, – Семён раздражённо захлопнул книгу. – Я уже и забыл про это, а ты всё с этой общагой. Смотри, вечер уже, да и погодка... Свербит у тебя? Хочешь ехать?

– Сёма, да я сам не знаю! С одной стороны, можно, а с другой... В Иманту переться, да и поздно уже... – мучился Тундра. – А давай монетку бросим?

– Так я-то уже для себя всё решил, – ответил Семён. – Хочешь, ты и бросай.

– Ну тебя, ещё друг называется...

Прошло ещё полчаса.

– Ладно. Собирай манатки. Погнажи. Пока ещё не совсем поздно, – сжалился Семён над другом.

Выбрались в самоход через учебный корпус. Пошёл дождь. Семён и Тундра вскочили в трамвай.

– Вот это мы прособирались! – поёживаясь, сказал Семён. – Смеркается уже. Пока доберёмся, совсем темно будет.

– Главное, чтобы дождь кончился, – поддержал разговор Тундра. – Смотри, как поливает.

– Вот. Цени, – засмеялся Семён. – Всё для тебя. Что? Неужели опять тебя сомнения гложут? Я вообще заметил, что тебе свойственно сначала принять решение, а потом долго думать: «Правильно ли я это сделал?»

– Да ладно! Умник! – возмутился Тундра. – На себя посмотри! Полдня собирался.

– В том-то и дело, что я никуда не собирался. Я просто тебя, дурака, пожалел. Изнылся весь.

– Ну и сидел бы... – обиженно пробубнил Тундра, отвернувшись к окну.

Дождь всё усиливался. Доехали до местечка под названием Старушка и, пока добежали от «Лаймы» до остановки троллейбуса у собора Святого Петра, промокли изрядно. Хотя было тепло. С разбега вклинились в плотную толпу, ожидающую транспорт.

Угрюмые промокшие рижане сбились под крышей остановки и нервно ждали приближения троллейбуса, чтобы, как только он подойдёт и распахнёт свои двери-гармошки, моментально выскочить из-под одной крыши и заскочить под другую.

По мере того, как сдвоенный вагон троллейбуса огибал площадь, приближаясь к остановке, росло и напряжение ожидавших его граждан. Бросок от остановки к дверям троллейбуса надо было совершить максимально быстро, технично и, по возможности, первым или хотя бы в первых рядах. Если замешкаешься, то пропадёт всякий смысл этого действия. Промокнешь.

Люди всё больше уплотнялись к лицевой части остановки. Некоторых даже толпа выдавливала под дождь, но те активно сопротивлялись, работая плечами. Некоторые, поняв, что шансов пробиться в первые ряды уже не осталось, смирились и, отойдя в глубь навеса, решили ждать следующего.

Семён и Тундра, воспользовавшись тем, что были в форме, спокойно, по-моряцки вразвалочку, вышли под дождь и, обогнув остановку, встали перед всеми, вызвав недовольное

бурчание первых рядов. Особенно возмущалась латышка бальзаковского возраста, одетая как официантка с привокзального буфета (а может, она ей и была).

Троллейбус, погудев, замер. Между этим моментом и открытием дверей был небольшой промежуток времени. Буквально секунда.

До истечения этой последней секунды никто не вышел из-под крыши. Только полная тишина и напряжённые лица говорили о решимости будущих пассажиров. Как только двери дёрнулись, предвзято открыв, плотная масса влажных и озлобленных людей ринулась к ним.

Семён и Тундра прямо припечатались к одной из дверей, но... они дёрнулись и... не открылись. Счастливики, которые ворвались через другие двери, уже комфортно разместились в салоне и с интересом наблюдали в окна за развитием ситуации у невезучих.

– Молодой человек, ну, подтолкните же её! – закричала под одобряющий гул толпы латышка-«буфетчица», стоявшая по правую руку.

Семён зацепился пальцами за дерматин уплотнителя между створками и резко дёрнул на себя. То ли двери подались от рывка, то ли они и так уже открывались, а может, и всё вместе, но локоть Семёна с ускорением отлетел «буфетчице» прямо под глаз.

Этот эпизод остался бы совершенно не замеченным толпой, ввалившейся в троллейбус, ломая зонтики и снося со своего пути уже находившихся внутри, если бы не громкие причитания «буфетчицы», глаз которой моментально скрывался под огромным фингалом. Она всю дорогу до Иманты (видимо, ей дальше) ругалась по-латышски и по-русски, проклиная в основном себя и обеспокоенная главным вопросом: «Что же я мужу скажу?»

Семён, конечно же, извинился.

Между тем дождь становился всё сильнее.

Как уже давно договаривались, подойдя к общаге, бросили маленький камешек в окно мансарды, где находилась комната Иветты и Светы.

Для более точного понимания истории, видимо, необходимо описать здание общежития медицинского училища.

Это было небольшое двухэтажное здание ульманисовских времён, увенчанное мансардой с маленькой пристройкой в один этаж. В пристройке была столовая, первый этаж занимал актовый зал и всякие административные помещения. На втором этаже и в мансарде находились жилые комнаты, рассчитанные на проживание от четырёх до восьми студентов. Наверное, когда-то этот дом принадлежал одному хозяину, что подтверждало и то, что он находился в жилом частном секторе и стоял посреди довольно большого заброшенного сада с переросшими и неухоженными фруктовыми деревьями.

План всегда был такой. Подходили, бросали камешек. Дальше два варианта. Либо Светка с Иветтой выходили, и друзья все вместе куда-нибудь шли, либо ребята по водосточной трубе поднимались на крышу столовой и потом по карнизу добирались до окна. Семён всегда лез первым, так как Тундра был выше и крупнее. То есть на случай, если Семён сорвётся, он его должен был поймать. Но пока бог миловал...

Отреагировав на лёгкий звон стекла, отворилось окно, и, прикрываясь какой-то книжкой от дождя, выглянула Света.

– Мы уже и не думали, что вы придёте, – сказала она, пытаясь говорить громче шума дождя и одновременно не сильно. – Прикиньте, у нас из комнаты все девчонки поразъехали на выходные... Ну ладно, погуляйте ещё минут пятнадцать... Синька ещё не легла (так почему-то звали местную комендантшу).

Дождь усиливался, и где-то далеко загремел гром.

Друзья переглянулись.

– Не назад же ехать? – с надеждой спросил Тундра.

Семён пожал плечами, посмотрел на почти чёрное ненастное небо и отвернулся.

Форма уже промокла. Не насквозь, но достаточно ощутимо. Пока спасали тельняшки.

– Пойдём под карнизом того дома постоим, – сказал Семён, указывая на ближайшее строение.

– Да! – с радостной готовностью согласился Тундра.

– Десять минут. Не больше. А то окончательно потопнем.

– Угу.

– Хорошо, что ветер стих, – отметил Семён. Вода лилась с карниза точно вниз, не попадая на друзей. – Но это ненадолго. Обычно так бывает перед шквалом. Так что хватит спины пачкать. Надо залезать скорее.

Семён, в соответствии со вторым вариантом, полез по трубе. Достаточно быстро, хотя труба была мокрая и скользкая.

– Давай! – прошипел он Тундре. – Только тише. Видишь, свет только погасили.

Через три секунды Тундра уже был рядом.

– На счёт три я к карнизу, а через секунду ты... Только умялю, не шуми!

– Ладно, – согласился Тундра.

Сказал, но тут же жутко загремел, шагая по железной крыше, как слон. Семён замахал на него кулаками, призывая остановиться, но было уже поздно. В одной из студенческих спален зажёгся свет, и её обитательницы испуганно завизжали в несколько голосов. Скоро к визжанию девчат добавился и строгий голос Синьки, призывающий всех замолчать и успокоиться. Потом открылось окно, и из него высунулась её не самая приятная физиономия, защищённая от дождя бигудями.

Путь назад был отрезан, но, пока шёл гвалт, друзья вскарабкались, несмотря на потоки воды, на крышу.

Дождь полил как из ведра. Семён наконец-то понял значение этого выражения. Ведь если выливать воду из ведра, то она не будет литься струями, а шарахнет одной сплошной массой. Вот и сейчас как ни старайся – не увидишь просвета. Как будто воздух превратился в воду. «Хорошо, что лето», – подумал Семён. Где-то вдалеке, видимо, на окраине Старушки, сверкнула молния, и только через пару секунд грохнуло и затрещало так, что можно было представить себя на передовой.

Не осталось ни одной сухой нитки.

– Знаешь, что если молния сюда попадёт, дому-то ничего не будет – всё в громоотвод уйдёт, а вот нас поджарит изрядно, – прокричал Семён.

– Понято! – крикнул Тундра и съехал на «пятой точке», вздымая кучу дополнительных брызг, прямо по водному потоку на крышу столовой.

Семён последовал за ним таким же образом.

Как только они оказались на плоскости, чуть-чуть приоткрылось заветное окно, и чья-то рука протянула зонт. Тундра двумя шагами немного приблизился к окну и забрал его.

– Пожалели, блин! – сказал Тундра и смачно сплюнул.

Порывы ветра усилились, было уже не смешно, разыгравшийся ураган угрожал сдуть с крыши незваных гостей.

– Может, домой двинем?! – прокричал Тундра.

– Ну уж нет! Хотя бы обсохнуть надо. Пришли – значит пришли! – громко и твёрдо отверг предложение Семён.

– Ну тогда присаживайтесь, сэр, – улыбнулся Тундра, указывая мокрой ладонью на покрашенный край крыши. – Судя по тому, что дали зонтик – нас ждут, но чуть позже.

Если бы кто-то наблюдал за ними со стороны, то картина выглядела бы преуморительной. Двое молодых людей в морской форме во мраке и всполохах молний сидели на крыше, взявшись всеми четырьмя руками за зонтик. А зонтик то и дело пытался либо вырваться из рук совсем, либо выворачивался наизнанку очередным порывом ветра. Толку от этого зонтика было ноль. Он оказывал если только психологическую поддержку, так как дождь был сплош-

ной и направлялся ветром не сверху вниз, а слева направо. Более того, ребята сидели на краю ската. Ноги стояли на плоскости крыши. Вода, заливаясь в брюки в районе спины, выливалась из штанин прямо в ботинки, как из четырёх водосточных труб. Стало холодно...

...Как всегда, сначала беззвучно сверкнула молния, превратив на долю секунды ночь в день. Потом раздался такой треск и грохот, что мокрые тела друзей от страха непроизвольно уподобились двум маленьким сцепленным трепещущим тушкам.

Дерево рядом со злополучной крышей, в которое попал разряд, расщепилось вдоль по всей длине, загорелось и упало...

...Семён пробуждался под кроватью. В луже. Он обнимал батарею, хотя она и была холодная. Ещё не сезон топить... Проснулся от громкого и заливающего смеха. Смеялись все обитатели общежития во главе с коменданткой. Из-под соседней кровати вытекала такая же лужа и слышался глухой кашель ещё дрыхнувшего Тундры. В открытое окно ослепительно светило солнце.

Семён посмотрел на часы. Шесть десять. Занятия начинаются в восемь тридцать.

– Тундра, вставай! Погнали, – сказал он охрипшим голосом.

Эпизод 10

Прислал письмо Юрка.

Сейчас Семён уже не относился к письмам так, как раньше. Раньше дома, заглядывая в почтовый ящик и увидев конверт, он даже не смотрел отправителя, а просто нёс и отдавал родителям. Даже если, как потом выяснялось, письмо было от бабушки и наполовину адресовано ему, то просто достаточно было неполного пересказа мамы.

Теперь же он их ждал. Ждал с жадностью, любопытством и нетерпением. Может быть, поддавался общему чувству ожидания вестей из дома, а может, просто время пришло, чтобы понимать их суть.

Суть письма не в информации, которую оно содержит, хотя, безусловно, это тоже важно, а в тонком понимании того, что вот ещё недавно этот листочек держали руки человека. Человека, который тебе близок. Или, по крайней мере, интересен. А то и просто новый персонаж, которого нужно как следует понять, прежде чем ответить.

Время было уже около половины второго ночи. Только что поменял дневального. Самому спать было нельзя, так как в любой момент мог произойти обход дежурного по училищу. Надо быть во всеоружии. Во-первых, не положено. Во-вторых, жалко свободного времени, и, наконец, четыре курсанта были в самоходе, и надо что-то придумать, чтобы при обходе комар носа не подточил.

Юрка – человек искусства, художник. И письмо такое, будто писал Пушкин. Почерк мелкий, с вензелями и зарисовками на полях. Мы в школе чёртиков малевали, а он обязательно что-то романтическое.

«Опять повздорили с Жекой из-за какой-нибудь мурсы, – подумал Семён. – Вот и жалуются друг на друга в каждом послании». Только вчера расшифровывал Женькины каракули. Разбирал-то целый час, а выяснилось, что «Юрка не хочет его портрет рисовать! А ещё друг называется!».

Юрка всегда писал обстоятельно и обо всём. Так, что было интересно открыть конверт. Потянуло теплом города детства и почему-то визуально представилось, как Юрка меняет потёкший стержень в авторучке. Об этом факте говорило то, что первые строчки становились всё жирнее и жирнее, а потом цвет сменился с фиолетового на синий.

«Здравствуй, мой дорогой друг Семён! Вот решил написать тебе о нашем провинциальном житье-бытье. Ты, наверное, там, в своей Латвии, уже стал забывать своих друзей детства... (Семён скоро второй год как учился в рижской мореходке) ...но мы-то тебя помним.

У нас всё хорошо. Родители живы-здоровы. Собака твоя вымахала, как шкаф. Вчера видел во дворе её. Иршика с ней гуляла. У-ух, животное! Клёвая порода водолаз! А помнишь, вам говорили, что девочки-водолазы не такие крупные? Какое там! Проглотит и не подавится. А мой Тошка вчера сбежал, пока я в художке был. Мы его всем миром тут искали. А знаешь, где нашли? За "Лестрансом" на пожарнице склада драмтеатра. Помнишь, как вы там с пацанами штаб устроили и чуть сами все не сгорели?! Да уж. Получил я тогда от бати на орехи. Помнишь, это же я для вас ключ у него стащил? А вы меня ни разу туда даже и не позвали. Ну да ладно. Кто старое помянет – тому глаз вон! Кстати, о глазах. Жека твой получил вчера в глаз от меня. И поделом ему.

А что? Сидим мы с Мишкой и Вадькой во дворе у качелей. Так он подходит и говорит: "А давайте теперь я вместо Сёмы буду на всех стычках нашу банду представлять на правах лучшего друга?" Мы, конечно, удивились и чуть сразу ему сопатку не начистили, но Миха (ну ты же его знаешь!) предложил конкурс устроить. "Давайте, – говорит, – кто больше причин назовёт, почему он лучший друг Сэма, тот и капитан, а?" Мы обсудили немного и порешили, что так тому и быть.

Ну и началось! Что только не всплыло на свет божий! Кстати, одна из причин, по которой я тебе пишу, именно в том, чтобы ты подтвердил некоторые факты.

– Да мы с Сёмой с первого класса вместе, а ты, Жека, – со второго, а Мишка – вообще, только в четвёртом пришёл! – сказал Вадик. И пошло-поехало.

Сёма, я для удобства буду писать факты и комментарии в скобочках, а кто что сказал, чтобы ты не запутался, отмечать так: Миха – М, Вадик – В, Женька – Ж, ну а я – это Я.

– А мы, вообще, в песочнице познакомились, – Я.

– А у нас мамы дружат, – Ж.

– А у нас не только мамы, но и папы, – В.

– Видел я, как они дружат. Семёнов папа твоего отчима с лестницы спустил у мамы на дне рождения, – М. (Сёма, это правда?!)

– Мама, папа... А кто ему втайне от всех помогал мореходку искать и к экзаменам готовиться? – М.

– Да что там искать и готовиться! Это же моя идея изначально была, про мореходку-то! – Ж.

– А кто его рисовать учил? – Я.

– А плавать, плавать-то? – Ж.

– А мы вместе на самбо ходили! – М.

– А мы – на хоккей! – Ж.

– А мы – на футбол! – Я.

– А мы всегда вместе "крапивный ход" от Пакли защищали. Чё-то я вас там не видел!!! –

Ж.

– Я кровь сдавал после пожара! – В.

– А я, а я вообще, помните? Его из детского садика ещё забирал! – Я.

Джинсы ушивали; на катке дрались; ...et cetera, et cetera...

В общем, шумненько, дружище, всё вспоминали. Естественно, со счёта сбились.

И тут Жека и говорит:

– А помните, у Сэмэна талисман был? Ну шарик этот его дурацкий. Он его ещё с собой всегда таскал!

– Да-а-а, – сказали мы.

– Так вы думаете, кому он его на хранение оставил? – сказал Жека и вытащил твой шарик из кармана. (Что? Ты, правда, ему оставлял или это он сам спёр?) – Ладно, черти, либо я капитан, либо запущу я его сейчас далеко-далеко и на вас же, оболтусы, потом и свалю. Пойди проверь.

Пацаны опять загалдели, и Жека зажмурился, замахнулся посильнее и забросил, Сёма, твой талисман далеко в траву.

Ну тут, извини, но я уже не сдержался и врезал-таки ему по сопатке.

Так что место твоё вакантно. С "наклевскими" пока Миха общается, а шарик твой я потом нашёл (пришлось, конечно, на пузе поползать). Так что он у меня. Не волнуйся.

В остальном всё по-прежнему. Пиши. Юра».

Семён вздохнул. Аккуратно сложил конверт и убрал его под фланку. «Понятно, что друзья всё же скучают... Ну зачем мордасы-то друг другу чистить? И с шариком этим муть какая-то, – Семён растянулся прямо на широченном подоконнике. – Никому я его не оставлял, а спрятал на пожарище за "Лестрансом" до каникул... Ладно, скоро домой поеду – разберусь... Гуревич, ты кричи громче, если обход, а я покемарю маленько...»

Полудрёма. Калейдоскоп в голове...

Эпизод 11

Накатили такие осязаемые воспоминания ещё довольно недавнего прошлого. А что ещё делать на «больничке»? Спать больше не хотелось. Бутеры, заботливо подаренные ребятами из роты, все сжевал. Книжка закончилась. Закончилась притом каким-то печальным концом. Зачем вообще писать книги, если они так заканчиваются? Может, именно поэтому и накатил позитив. А кроме как позитивом Семён эти воспоминания назвать не мог. Да и вообще, несмотря на непредсказуемые и невесёлые, на первый взгляд, концовки разных жизненных историй, они могли восприниматься более чем позитивно. Это смотря как их воспринимать. Вот и стала понятна возможность появления книжек с печальным концом. Может, это только для меня он печальный, а для автора или героя вовсе и нет.

«Вот о чём я думаю? – остановил себя Семён. – Мура какая-то... И не отойдёшь. Капельницу только поставили».

Вспомнил одну давно прошедшую ночь, когда он был первокурсником, которая так же закончилась на больничной койке. Ночь, которую тогда воспринял как победу, чувствовал себя словно героем киноленты...

...Заступил на свою первую самостоятельную вахту в качестве дежурного по роте. Вчера только назначили старшиной роты, чем Семён по-настоящему гордился, правда, немного скрывая это от друзей. Все наконец-то уgomонились по кубрикам, дневальный протёр коридор и засел за книжку, Семён принялся пришивать старшинские шевроны.

В двадцать три тридцать (часы висели прямо над тумбочкой дневального) со стороны лестничного пролёта послышался страшный грохот и топот десятков ног, перемежающийся возбуждёнными голосами.

– Саш, глянь, что там, – насторожившись, сказал Семён дневальному.

– Третья рота на драку с докерами катится, – сказал дневальный, лишь слегка высунув нос за дверь.

– Куда? – сел на табурет Семён, не ожидая такого поворота событий после тихого начала дежурства.

– Да вон туда, – махнул Саша на окно в бытовке.

Семён повернул голову и остолбенел. Около окна бытовки сгрудились порядка десяти проснувшихся курсантов. Судя по слышавшимся восторженным возгласам со всех сторон, в других помещениях роты творилась похожая картина. Отбой пошёл насмарку.

– Дверь на ключ! – скомандовал Семён дневальному и ринулся к окну, расталкивая остальных.

Третья рота была выпускная, и первокурсники относились к ним с трепетным уважением, тем более что некоторые из неё были старшинами-наставниками, ещё на «абитуре».

Обзор был замечательный, как в кино. Маленькие чёрные и полосатые фигурки перебежали через Большой двор и, не снижая темпа, перескочив каменный забор, врезались в достаточно большую толпу дерущихся на лужайке перед училищем. Дальше было уже ничего не разобрать, хотя уличные фонари исправно освещали газон. Само «тело драки» было плотным и эластичным, похожим на единое живое существо, танцевавшее странный танец, то отдаляясь, то приближаясь к забору училища.

Обстановка среди зрителей накалялась всё больше. Разгорячённая зрелищем молодёжь совсем не стеснялась в выражениях. «Странное существо» на газоне выросло в размерах (видимо, выбежали и из других рот) и обрело голос. Почему-то со стороны он был похож на голос раскапризневшегося малыша. Резкий, писклявый и скрипучий. С добавлением мужских басов, типа ругающихся родителей. Подъехали сразу два милицейских «бобика», осветив драку фарами и добавив проблескового синего.

– Поможем нашим! – крикнул кто-то из толпы зрителей.

И вот уже Семён несётся через Большой двор училища в одной тельняшке, брюках от робы, грохоча кирзовыми тяжеленными ботинками, называемыми у моряков «гадами» за их неприглядный вид, и размахивая над головой форменным ремнём, возглавив такую же разношёрстную и разгорячённую группу однокурсников.

Семён одним прыжком перемахнул через забор, развив приличную скорость, так как начал ускорение ещё от расположения роты, а это (на минуточку) второй этаж здания с трёхметровыми потолками. Ещё до приземления на лужайку руки и голова его раскинулись в позу распятия, больно ударившись об острые камни забора мореходки. Сильные невидимые руки его держали, а ещё более сильные осыпали градом ударов всё тело, что называется, с лицевой стороны, включая и то самое лицо...

Очнулся уже только утром на койке медсанчасти от щиплющей боли из-за отрываемых от лица пластырей. Это сестра делала перевязку...

...В дверь тихо постучали.

Осторожно, стараясь ничего не уронить своим большим телом, вошёл Тундра. «Тундра... мой дружище», – с теплом подумал Семён.

– Жив, курилка? – сказал он.

– Между прочим, год держался – не курил, – парировал Семён, поправляя капельницу. – Это вы, видимо, в своей заснеженной тундре с пелёнок смолите. Ну что там? Сильная суматоха? Соловатов утром заходил. Так орал, что я думал – сдохну прямо на этой койке.

Капитан второго ранга Соловатов являлся начальником организационно-строевого отдела училища и, соответственно, отвечал за всю дисциплину в системе. И случившееся касалось его зоны ответственности непосредственно. А случилось вот что.

Три недели назад Семёна и Тундру повязали на самоходе.

Ну повязали и повязали, дело житейское – обычная история. По глупости погорели. Бывает. Им бы не высовываться месяцок. Так нет, в следующее же воскресенье Тундра и говорит:

– Ну не бывает так, чтобы два раза подряд в одну воронку снаряд падал... Погнали на Кипсалу, у Кристинки день варения сегодня. У меня и ключ от учебного корпуса есть!

Риск, как говорится, дело благородное...

Как ни старались поспеть к утреннему обходу, даже реку Даугаву частично по льду переходили, – чёрт, опять повинтили!

Впоследствии, как положено, отчитали перед строем. А выговорешники разместили аккуратно под мечту каждого курсанта-моремана – списками распределений на плав-практику. В списки они, естественно, не попали.

Наступает суббота. Об увольнениях для Семёна и Тундры не может идти и речи. И вот. Как назло! Польские курсанты-барыги опять на Морчике (Морской вокзал, соответственно) под начало навигации пришвартовались. А Тундра у них ещё в прошлый заход джинсы «Монтана» на продажу заказывал. При этом с тремя прострочками! Ребята давно ждали «пшек» (польских курсантов) и знали уже давно гуляющую в рядах спекулянтов-коммерсантов «пулю» для продажи, мол, три строчки – это джинсы из эксклюзивной партии, выпущенной к юбилею фирмы «Монтана». Ох, ну не пропадать же добру!

Закрылись в умывальне ночью. Часа два горячо обсуждали сложившуюся ситуацию. Обсуждали для проформы. Всем было ясно, что, конечно же, надо рискнуть! Решили, что такими деньжищами не бросаются. Каждая «юбилейка» улетала по 130 рэ, а обходилась у пшек по 70! И уж если на то пошло, то, по теории вероятности, третьему облому подряд точно не бывать. Да тут ещё, кстати, обещали покупателей из Питера на всю партию дать вечером, если по чирику с пары скинем. Да это же по полтиннику с каждой штуки навар будет!!!

Уверенности в успехе ещё придавал и тот факт, что дежурным по системе сегодня заступал не офицер, а преподаватель термодинамики Николай Павлович (ну не хватало офицеров на такую зарплату!) – милейший человек, который к курсантам относился с искренним сочувствием.

Всё так бы и было, если бы не одно НО. Это НО называется пьяная дурь. А ей было откуда взяться. Ушли тихо, как всегда, через учебный корпус. В гражданку переоделись ещё в кабинете математики. Сделка с обеих сторон прошла как по маслу. Карманы курток «Алясок» были набиты деньгами. Решили отметить – по кружечке пивка «Лачплесисского». Переусердствовали!

И чёрт дёрнул Тундру залезть на какую-то статую, мирно стоящую в нише около входа в собор Святого Петра с XIII века. И пофиг ей все войны!

И другой страшный чёрт дёрнул Семёна его оттуда стаскивать... Короче, статуя покачнулась немного, как будто подумав, и рухнула прямо на Семёна, усиленная весом висящего на ней Тундры.

Удивительно, что перелома было только два, да и то не серьёзных. Зато крови было... Создалось впечатление, что это статуя разбилась в кровь, а ребята только перемазались.

Тундре пришлось раненого Семёна тащить в училище, и самоход, естественно, сам собой раскрылся...

... – К тебе мать приехала, – понурился Тундра.

– Давно?

– Вчера. Уже к начальнику училища ходила, – почти шёпотом, глядя исподлобья, продолжил он. – Да, и вот ещё что... – Тундра протянул Семёну какую-то бумажку.

– Что это? – спросил Семён.

– Приказ о моём отчислении.

– Да отстань... врешь!

– А что ты удивляешься? – встрепенулся Тундра. – И по тебе такой будет, как только выпишешься.

Потом был разговор с начальником училища, где в присутствии матери он предлагал Семёну сдать его товарищей, таких же горе-самоходчиков, в обмен на продолжение учёбы. Семён горячо вспылел. Никогда он не был предателем! И не будет! «Отчисляйте!..»

И мама сказала Семёну:

– Я не собираюсь тебя оправдывать. То, что ты допустил такой конец в этой истории – результат сумасбродства. Ты возомнил себя взрослым, но взрослые люди всегда оценивают последствия своих поступков. Вот и оценивай теперь, и делай выводы!

А про себя, не сомкнув глаз в тряском вагоне, за всю ночь пришла к выводу: «Аркадий тоже ненавидит стукачей... И по молодости тоже не был пай-мальчиком... Поэтому, когда я расскажу, как было дело, он поймёт». Так и вышло.

Возвращение домой всё равно было победоносным и триумфальным. Пришлось вернуться в школу (ко всеобщему изумлению одноклассников!) аж в конце третьей четверти выпускного класса, под самые выпускные экзамены. Выглядел таким Котом учёным, который все классы прошёл...

Вообще, вся эта история с мореходкой всё равно была победой. Семён стал понимать, что за его достижения и поражения ответственен лично он сам. И стал гордиться как тем, так и другим.

– Женька, Мишка, Вадик! Дуйте уже домой, – брюзжал отец. – Хватит уже эти морские байки слушать...

Эпизод 12

– Студент, бл... вешайся! Ты где шляешься! Ты помни, чертила, что у тебя ещё шесть грёбанных нарядов не отсиженных, а на полигоне, знаешь, губа холодная! Командир, бл... уже из полка выехал, а ты своих тугоухих олухов уже полчаса собрать не можешь! Меня не е... что ты делаешь! Меня волнует, чтобы твое, бл... отделение блатных пижонов в полной амуниции, с сухпаями, вещмешками и карабинами, лыбясь, как майская лужа в апреле, застёгнутые на все крючки с ремнями и скатками через плечо, через пять минут на плацу строевым шагом выходили с докладом о готовности и получали проездные документы! Всё! Понял?! Все, бл... кроме Виноградского! Ты нашёл, кто в замену этому долбанько, а? Не слышу! – активно жестикулируя, бесновался старшина, старший прапорщик Гринчук (в простонародье Гриня).

Это был день отправки полка, в котором вот уже второй год тащил ляжку срочки Семён Аркадьевич Григорьев, ранее студент первого курса политехнического института. Ныне старший сержант Советской Армии, командир отделения планшетистов и, по совместительству, оператор наведения командного пункта ракетного полка ПВО. Призывников в армию в восьмидесятых уже не хватало, вот и отменили студенческие отсрочки и обучали на два ВУСа сразу.

Полк направлялся на боевые стрельбы в далёкую от места постоянной дислокации казахскую Голодную степь.

Семёна всегда удивляла и восхищала невероятная способность Гриня на одном дыхании, громогласно, присыпая свою речь отборным матом, и с загагулистыми армейскими оборотами сказать несколько предложений. Предложений, в которых одновременно звучали и приказы с описанием формы одежды, и ответственность за их недобросовестное выполнение, и описание оперативной обстановки, и возможные вводные по личному составу, и ограничительные временные рамки.

Сумасшедший талант! Вот что значит расхожее выражение «командный голос». Это не просто громко говорить, как принято думать на гражданке. А говорить всеми возможностями речи с помощью отточенной жестикуляции, в момент всё проясняя для любого из подчинённых. Пусть это даже оказывался случайно пойманный дикий представитель малых народов, только что спустившийся с гор и не владеющий пока великим и могучим. Видимо, давали о себе знать семнадцать лет в армии.

Несмотря на то, что в то время Грине едва исполнилось тридцать пять, выглядел он (на взгляд молодых, восемнадцати-девятнадцатилетних, глаз) на все пятьдесят. Высокий, худой и какой-то высохший. Одни жилы. На темечке лысина. Рыже-русые, как солома, волосы, коротко остриженные и до такой степени прилизанные, что создавалось впечатление, что они нарисованы. Глубоко посаженные маленькие колючие глазки, тонкие губы, острый нос и непропорциональная телу маленькая и морщинистая голова, напоминавшая какой-то сильно отжатым и высушенный фрукт. Длинная, мятая и потёртая офицерская шинель. И всё это «великолепие» венчала огромная, всегда новая фуражка, которая в сочетании с маленькой головой смотрелась, как кепка-«аэродром» на грузине. Со стороны он был похож на гвоздь. Гвоздсотку. Разговаривал он на уникальнейшем диалекте. В основе лежала украинская мова, но она была приправлена ещё и северным диалектом (а точнее, вологодским ручейково-растяжным говором с налеганием на букву «о»). История формирования такого филологического изыска покрыта тайной по причине крайней скрытности его носителя относительно деталей своей личной жизни. Говорили, что сам он из Закарпатья. Оттуда и призвали. Отслужив полгода, попал в дисбат в Вологодской области, где и влюбился в местную повариху. После «дизеля» попросился на сверхсрочку неподалёку. Повариха оказалась замужем за вертухаем. Но Гринчук так и остался в части на границе Вологодской и Архангельской областей (там, где, собственно, и служил Семён). Такая вот история. А может, и врал всё солдатская молва. Семьи не было. Жил

неподалёку от части, в отстоящем от деревни километра на три доме. Имел трёх собак, кошку, бурёнку, домашних птиц и автомобиль «Москвич-412», который зачем-то каждую весну перекрашивал силами нового призыва.

В части, наверное, не было большего поборника строгих устоев дедовщины, но, справедливости ради, надо сказать, что прямые издевательства и мордобои он не приветствовал и карал за это строго, не взирая на сроки службы. Он был за традиции. Молодые больше работали и тащили службу. Существовала строгая градация о том, что может делать «дух», что «черпак», что «дедушка» и что «дембель». К ребятам, связанным по службе с техникой и электроникой, Гриня относился очень уважительно, особенно на последнем полугодии службы, скорее даже по-отечески. Про них говорил: «...Хде надо кринкой шорудить, а не токмо кайлом размахивать...» Кстати, обычно это были призванные студенты, к коим относился и Семён.

Семён в глазах Грини (при хорошем настроении, естественно) вообще был правильный пацан, который службу знает. Причины такого особого отношения крылись в следующем. В-первых, это был первый и, возможно, единственный воин, который сразу его послал в первый же день по прибытии в часть. То, что это получилось случайно, как-то уже забылось. Просто Гриня был одет по-гражданке и начал строить духов, как только они спрыгнули с машины. В-вторых, Семён отучился больше двух лет в мореходке. И даже был там старшиной роты, что формально соответствовало статусу Грини здесь. Ещё дополнительный плюс в глазах Грини почему-то добавил и тот факт, что Семёна оттуда выгнали за самоволки. На гарнизонной губе Семён честно, больше положенного срока отчалился, но не ныл и рапорта на Гриню не подал. Хотя и забрали Семёну почти на неделю позже только по его, Гринчука, вине. Гриня просто-напросто услал полковой автобус в соседнюю часть за картофаном к зиме, а заехать за арестантиком было не по дороге. Хорошо, пайку с соседом по камере делил, на довольствие-то только на срок ареста ставили... Ну и, конечно, главное, что Семёна призвали из института. Для человека с пятью классами образования и школой прапорщиков за плечами, видимо, это был почти Ландау. Он так и называл его, как он сам выражался, «по первичному половому признаку» – Студент.

Итак, шли сборы на полигон. Ефрейтора Виноградского, конечно же, Гриня не мог оставить в части. Это было не в его власти, раз солдат был внесён в списки полигонщиков. Это была постоянная такая прапорская шутка, типа смешная. Связано это с тем, что однажды во время боевой готовности Виноградский, чтобы удобнее было лазить по трёхметровому планшету и сопровождать цели, летящие с севера, снял сапоги, которые не снимал уже около трёх суток. «Духи» пока были не готовы к самостоятельному боевому дежурству, вот и приходилось ему оставаться под землёй по нескольку дней. Из-за быстро распространившегося невыносимого запаха все офицеры, находящиеся в этот момент на КП вместе с Гриней, побросали боевые посты и мгновенно оказались на улице. Теперь любое упоминание о несчастном ефрейторе звучало только в связке со словами: не идет, не едет, только без него и т. д. и т. п.

Итак, часть отбывала в район казахского городка Сары-Шаган на боевые стрельбы. Точнее, не вся часть, а только два дивизиона и один расчёт с командного пункта. Плюс командир, замполит, начштаба и ещё несколько технических офицеров и прапорщиков. Остальные оставались, что вполне серьёзно, «нести боевое дежурство по охране воздушных границ нашей Родины».

Выдвигались по-военному рано. В четыре утра. Слава богу, что основная часть колонны грузилась в полку. По слухам, у них заняло это две недели! Уже и не вспомнить, сколько было машин. Штук двадцать, двадцать пять, наверное. Собирали по всему округу. Везли всё. Начиная с пары С-200 на отстрел (они на специальных тягачах были, а может, и не было их, тягачи-то видели все, а вот ракеты – нет), заканчивая походными кухнями, железными кроватями и парой машин с обмундированием.

«Белая кость» командного пункта, дождавшись, пока колонна поравняется с бетонным изваянием «Народ и партия едины!», сооружённым прямо перед КПП, выехали из заранее снятых ворот (грузёные не пролазили) и пристроились в хвост длинной веренице машин цвета хаки. УАЗик командира полка, лихо подрезав гаишников, сопровождавших колонну, как и положено, встал головным. Командный пункт был представлен следующими транспортными средствами. Два кунга – один с офицерами, один с солдатами и сержантами. Грузовик с кроватями и обмундированием (он-то и не проходил через ворота). Кстати, идея взять кровати на полигон для всего полка принадлежала Грине. Просто когда ездили весной, кроватей totally не хватило, и воины спали эдаким «пирожком» на полу, обложенные матрацами и снизу, и сверху по несколько человек. Хотя, на самом деле, только так и можно было спастись от степного холода. Ярko-алым пятном в зелёной колонне был «москвичёнок» Гринчука. За ним потом на вокзал должен был подъехать Гринин друг, прапорщик из первого дивизиона.

Для Семёна это был второй полигон за время службы. Так случилось. Вообще, редко кому так посчастливилось. Некоторые все два года службы не выходили за пределы части, не говоря уже о таком долгом, полном приключений путешествии в условиях, «максимально приближённых к боевым».

Первый раз он был прошлой ранней весной, когда ещё и года не отслужил. И вот теперь – в феврале. Весной были очередные полковые стрельбы, а сейчас стрелял весь округ.

Весенний полигон дал такое количество незабываемых впечатлений и воспоминаний! Такой несметный набор дембельских сувениров! Это и огромные скорпионы, залитые эпоксидкой и наполированные до состояния янтаря, и сушёные фаланги, и фотографии на фоне стартов с Байконура и обгоревшего спускаемого аппарата с «Союза», и многое другое. Если количество сувениров с зимней кампании будет хотя бы в треть от прежних, то придётся Семёну либо часть отдать «молодым», либо покупать большой чемодан, что для дембеля не комифо.

Той весной Семён воочию понял смысл выражения «целое море цветов». Эшелон прибыл в Сары-Шаган именно в тот день, когда в степи распустились тюльпаны. Степь колыхалась от малейшего дуновения ветерка и этим рождала такие немыслимые сочетания оттенков красного, розового и зелёного, которые вряд ли смог бы передать самый титулованный и известный живописец. И не было края этому чуду! Когда колонна двинулась по этой целинной земле в сторону позиций, со стороны она смотрелась как морская флотилия в кильватерном строю, пересекающая океан Соляриса, но состоящая из крови. Притом словно кто-то причудливо замешал кровь разных групп животных и людей и добавил действительно морской воды изумрудно-зелёного цвета. Наверное, так выглядят райские кущи, где разгуливают праведники... А к полудню следующего дня всего этого великолепия не стало. Притом не то что стало как-то не так, а реально НЕ СТАЛО, как будто и не было никогда. Вот она, типичная особенность резко континентального климата. «Как тут не вспомнить БERTУ Васильевну – географичку из школы?» – подумал Семён. За одни сутки цветущие луга превратились в выжженную пустыню. Всё стало даже не весёло-жёлтого, как в фильмах про пустыню, цвета, а грустно-серым пейзажем. Серый песок, серые остатки цветов и травы, перекатывающиеся по ветру серые колючки, которые жевала неизвестно откуда взявшаяся пара серых, худых до рёбер, одnogорбых верблюдов. Единственное, что оживляло такую гнусность, – это ослепительно-голубое небо и яркое-яркое солнце, которое, кстати, и убило за столь короткий срок необыкновенную красоту. Но это было весной...

Сейчас со своими обязанностями в этом путешествии Семён был знаком, как говорится, не понаслышке. И опытом полигонной жизни мог бы поделиться даже с некоторыми офицерами, ехавшими в Голодную степь впервые. Но был человек, с которым по поводу тонкостей жизни в полигонных условиях советовался даже командир полка, суровый подполковник Дзагоев. Конечно же, это был старший прапорщик Гринчук. В его активе насчитывалось семь (!!!) выездов в Сары-Шаган. В этом году командир официально пригласил его на заседание штаба

полка для обсуждения процедур подготовки отбытия на полигон. Гриня безмерно гордился этим фактом.

Поездка полка на боевые стрельбы длилась чуть меньше или чуть больше месяца и раз от разу проходила по примерно одинаковому сценарию. Конечно, Сёма знал этот сценарий исключительно как военнотружущий срочной службы, не претендуя на знание военной тайны.

Итак, начиналось всё месяца за три, когда формировались списки ехавших, верстались новые планы дежурств и подмен. Примерно за этот же срок начинались проверки матчасти. После проверок начинались ремонты и поиски недостающего оборудования, дозаказ новых комплектов формы. За две-три недели начинались непосредственно сборы. Потом своим ходом колонной двигались в областной центр, на товарный вокзал, где грузили вместе с машинами всю колонну на платформы. К составу, состоящему только из платформ с закреплённым на них транспортом, добавляли два плацкартных вагона. Один – для офицеров и прапорщиков, второй – для солдат и сержантов. И непосредственно перед тем как тронуться, цепляли теплушку с кухней и прикомандированными поварами. Это происходило в завершение процедуры, видимо, из-за опасения, что во время погрузки съедят половину запасов. Чем тогда в дороге кормить?

А дорога предстояла неблизкая. Минимум семь, а то и все десять суток шёл воинский эшелон до места назначения. Это во время войны приоритет отдаётся военным, а в мирное время без сбоев и точно по расписанию должны идти различные скорые, литерные, даже просто пассажирские и заявленные заранее товарняки. Участь воинского эшелона в мирное время грустна. Его постоянно загоняют в отстойники ждать, когда освободится путь, на станциях дают только свободный маневровый, заранее не резервируют. К составу до какой-нибудь стрелки могут навялить попутный груз из нескольких вагонов (справедливости ради, надо сказать, попутный груз всегда только военный, но и такового в Совке всегда было в достатке). Сколько эшелон простоит на станции, можно было определить разве что по звёздам. Может, целый день, а может, и три минуты. Маршрут сначала по Уралу через Киров, Пермь и Свердловск, потом на юго-восток через Каменск-Уральский в Казахстан и мимо Караганды на юг. Конечная станция – неподалёку от озера Балхаш, городок Сары-Шаган. Последний островок цивилизации на пути к командным пунктам, стартовым позициям, складам, аэродромам и воинским частям «гостиничного типа» для размещения приехавшего на полигон личного состава, то есть ко всему тому, что понастроило Министерство обороны СССР на территории в несколько тысяч квадратных километров, именуемой Голодной степью. Здесь неподалёку Байконур, здесь проводили первые в Союзе испытания атомной бомбы, сюда падают спускаемые аппараты и первые отработанные ступени от космических станций, здесь находятся мишени для стратегических ракет, выпущенных на учениях из-под какого-нибудь Брянска или Пскова. Короче, хлама в степи хватает. В Сары-Шагане эшелон сгружает технику, и она, вновь собранная в колонну, прямо по степи движется для занятия позиций, предусмотренных учениями.

Полторы-две недели идут учения, на которых полку надо сбить две учебно-боевые цели. Потом один расчёт уезжает своим ходом (конечно, билеты в общие вагоны заранее заботливо куплены всевозможными Гринями) в часть менять дежуривших несколько недель без отдыха заморённых людей. А оставшиеся грузят всё опять на эшелон и в «зеркальном порядке» движутся в обратный путь. Семён так, своим ходом, будучи старшим группы, возвращался менять расчёт с весеннего полигона. Тогда солдаты доехали за три дня с двумя пересадками, на обычном поезде, шедшем по расписанию со всеми положенными остановками, весёлыми попутчиками и бабушками с пирожками на станциях. Это были лучшие три дня в армии!

Как только колонна въехала в черту города, стали двигаться медленно и важно. Со всей атрибутикой военной колонны в сытое и спокойное мирное время. Перед всеми, мигая, без звука, ехала жёлтая с синей полосой милицейская «Волга» начальника городского ГАИ. За ними три зелёных УАЗика. Первый – ВАИ, второй – командира полка и третий – машина нач-

штаба. Несколько кунгов и потом двадцать или больше грузовиков, укрытых тентами, разных марок (ЗИЛы, ГАЗы, МАЗы и т. п.), среди них два тягача, возможно, с ракетами. Прихватили даже кран и экскаватор, который тоже в некоторых случаях использовался вместо крана. Они были просто необходимы при погрузке. Потом шла «пожарка». И завершали колонну алый «москвичёнок» Грини и гаишный «жигулёнок».

Несмотря на раннее утро и температуру минус двадцать восемь, местное население, спешащее на работу, тревожно поглядывало на зрелище. Рождались разные гипотезы причин такой демонстрации военной мощи. Одна страшнее другой. Бабушки, скорее похожие на коконы из платков, часто-часто крестились.

На станцию подъехали около восьми. И началось...

Теорию советского бардака надо изучать отдельным предметом в вузах. А теорию военного советского бардака, видимо, можно понять, только специально исследовав в аспирантурах, и то вряд ли. Техника вдруг начинала глохнуть и наотрез отказывалась своим ходом заезжать на платформы, требуя персонального крана. Тросы рвались. Документы на эшелон оказались не до конца готовы (командир помчался в комендатуру). Теплового не было. Специальные крепления для удержания техники на платформах были забыты в части завскладом Тургамбаевым. Правда, им же и было предложено крепить технику стальной проволокой, которой было в достатке, тем более что (с его слов) на весь транспорт креплений всё равно не хватило бы. Как-то давно Семён читал записки И. Ильфа, где в одном рассказе писалось: «Решено было не допустить ни одной ошибки. Было привлечено триста редакторов и триста корректоров. И всё равно на титульном листе книги было написано "Большая британская энциклопедия"». Очень похоже.

И от бардака иногда тоже есть толк. Пока все суетились и двигались, выполняя разнонаправленные указания заполошенных офицеров, никто не мёрз, так как все были одеты в полшерстяную форму с кальсонами, ватные штаны, фуфайки и валенки. Потом личный состав построили, разбили на тройки. За каждой тройкой закрепили от одной до трёх единиц транспорта, в зависимости от количества осей. Семёну, Виноградскому и Пиликину (с ним из одного военкомата призывались) досталась платформа с двумя КПШными кун-гами, установленными на «ГАЗ-69». Всего шесть осей. Задача была такая: взять длинную связку толстенной стальной проволоки, обогнуть ею вокруг оси автомобиля, потом вокруг балки платформы, соединить оба конца, сделать из них подобие петли и, продев через эту «петельку» лом, крутить его, пока хватит сил. А сил должно было хватить надолго, так как в итоге должна получиться жёсткая сцепка, с которой трёхтонный кунг с техникой, плюс сам автомобиль не должен был не только слететь, а даже на сантиметр сдвинуться при резком торможении. Вот именно тогда все и вспомнили, что на дворе февраль и почти минус тридцать с ветром.

Все описанные выше итерации приходилось делать, лёжа на спине на голой платформе. Ветер дул нещадно. Мелкие колючие снежинки больно впивались в лицо и запястья, не закрытые постоянно слетающими варежками. С подветренной стороны вдоль всего тела образовался небольшой сугроб, что, видимо, и спасло Семёну от какой-нибудь простудной болезни. Хотя спина и была мокрая от рубахи до половины толщины фуфайки, но сугроб создавал парниковый эффект и надёжно закрывал от ветра. Шапку приходилось то снимать, то надевать. Когда она была на голове – из-под неё ручьём лился пот, застилая глаза. Когда Сема её сдёргивал, голову тут же сковывал мороз, и пот превращался в ледяную корку, припорошенную снегом.

Между собой поделили функции так: Семён и Вовка Пиликин прикручивали технику, Виноградский подтаскивал и подавал проволоку и ломы, поднимал упавшие шапки и варежки, в общем, ассистировал. Когда кто-нибудь из «крепильщиков» подавал знак, то Виноградский его тут же сменял. И ассистентом становился подавший знак, одновременно переводя дух от тяжёлой работы. Если знак подавали оба «крепильщика», то работа прекращалась, и все втроём энергично шли за проволокой на другой конец состава. По возвращении роли распре-

делялись заново. Работа не прекращалась ни на минуту, она лишь сменялась одна на другую, что служило лучшей иллюстрацией к фразе о том, что лучший отдых – это перемена занятий. Все были заинтересованы быстрее закончить работу и свалить с холода в тёплое здание вокзала, где в отгороженной загодя половине пассажирского зала ожидая призывно дожидался обед. На других платформах происходило что-то подобное. Вообще, по всей длине состава, несмотря на сильно морозный воздух, витал стойкий запах пота. Притом правильно говорят, что совместный труд стирает различия. В данном случае различия в возрастах и званиях. Офицеры и прапорщики так же тяжело трудились на своих местах, как солдаты и сержанты. Традиционные привилегии, обусловленные сроками службы, так ревниво соблюдаемые в обычной повседневной службе в полку, развеялись, как дым, и никто ни разу даже не вспомнил об этих предрассудках. Все были одной дружной военной семьёй, сплочённой единой задачей в игре для настоящих мужчин. Семён был уверен, что армия должна либо воевать, либо как можно чаще находиться на учениях, тогда и пресловутая дедовщина сама отомрёт, отвалится за ненадобностью, как рудимент.

Погрузка длилась ровно сутки, как и было запланировано. Ни на минуту больше. Всё-таки армия. За эти сутки никто не сомкнул глаз. Ровно в восемь ноль-ноль эшелон плавно тронулся.

Следующий день после погрузки можно назвать царством Морфея. Спали все, кроме несчастных дежурных и дневальных. Даже теплушка с кухней погрузилась в сон. Всем раздали сухпай, а чаем в обоих вагонах можно было залиться. В вагоне расселились очень уютно, задействовав все места, куда мог лечь человек. Были заняты все полки, включая третьи, которые в обычной жизни предназначались для матрацев и багажа. Кто-то устроился даже в коридоре. Семён заходил в офицерский вагон (согласовать график дежурств), там всё тоже было очень по-домашнему. Напротив Семёна, спиной к нему, не успев от бессилья даже снять гимнастёрку с ефрейторскими лычками, мирно посапывал Виноградский. «Надо будет по приезде похлопотать, чтоб ему сержанта дали. А то как на дембель ефрейтором? Засмеют, – засыпая, подумал Семён. – Не забыть ему завтра напомнить, что он обещал рассказать, зачем Гриня тащил своего убитого "Москвича" на погрузку», – была последняя мысль наяву.

Сны у Семёна были спокойными и умиротворённо-счастливыми, какими и должны быть сны человека, добросовестно выполнившего большую работу. Снился отец, бабушка, мама и почему-то школьные друзья: Жека-пижон, Вадик – неисправимый романтик и не по годам серьёзный Мишка...

– Где Виноградский? – разбудил скрипучий голос Грини. – Куда может пропасть солдат в одном-единственном вагоне? А ты спишь. Студент ты, а не командир!

Семён глянул на соседнюю полку. Она была пуста. Потом на часы. Двенадцать.

– Товарищ прапорщик, ну может, «на очке». Чего орать-то среди ночи?! – разозлился Семён спросонья.

– Григорьев, ты думаешь, что я полный идиот? Стало бы моё ранимое сердце выслушивать такое хамство по утрам, тем более от собственного бойца, если бы я не простоял около двери в сортир двадцать минут, пока не дождался вывалившейся оттуда толстой ж... Гуссейнова! А второй туалет, сам знаешь, завален шмотьём. Нет его нигде. Уже час, как ищут. Надо докладывать в командирский вагон. Может, на станции оставили? – уже робко предположил он (Семёну показалось – с надеждой).

– Быть такого не может. Он заснул раньше меня. Я сам видел его сопящим в две дыры, – Семён уже окончательно проснулся.

– Не он это был, а я, – послышался басистый голос Пиликина, – он ещё на станции мне свою гимнастёрку одолжил. Моя-то вся в масле была. Ну а мне в наряд. Ну я свою и застирал пока.

– А он где?

– А я почём знаю?

– Не может такого быть, – повторил Семён.

– Ну может не может, а нет его. Это факт, – сказал Гриня, раздражаясь всё больше.

– Давайте объявим построение по вагону. Может, зашхерился где и дрыхнет? Все построятся, и шхеры заметны будут, – предложил Сёма.

– Да я уж и сам так думал, – сказал старший прапорщик с лёгкой обидой. – Просто не хотел всех будить. Умаялись поди. Подъём! Личному составу построение в проходе! Форма раз! – реабилитируясь за прокол, истошно заорал Гриня.

Обитатели вагона были сонные и недовольные, но построились быстро, тем более, что одеваться не требовалось.

– Командирам отделений доложить наличие личного состава, – скомандовал Гринчук. – Вдруг ещё кого нет, – уже тихо шепнул он Семёну.

Оказалось, что нет только ефрейтора Виноградского. После отработки команды «обнюхать весь вагон» его всё равно не нашли. Потом старший прапорщик уже самолично «обнюхал» вагон, где ехали офицеры. Виноградского не было.

– Что и требовалось доказать, – сказал Гриня, завершив поисковую операцию, – надо идти докладывать о потере бойца. – Гриня, казалось, постарел ещё лет на десять.

– А зачем вы его искали-то? – просто, чтобы отвлечь Гриню от грустных мыслей, спросил Семён.

Возникла минутная пауза, за время которой лицо изначально предметно приунывшего прапорщика сменило несколько актёрских масок. От трагического героя до комика. Стало понятно, что этот простой вопрос навёл его на какую-то единственно правильную мысль.

– Всё, бл... знаю, где он! Вот гад! Как я сразу не подумал?! Студент, ты – голова! – чудесным образом опять вернувшись к своему биологическому возрасту, радостно закричал Гриня. – Да хотел спросить, хорошо ли... Да не важно... Доберёмся, я его на губе сгною! Да и в дороге жизни не дам. Его вонючие ноги в вагон даже не заходили! Нет, ты понял? А? Каков он!!! Ну-ка, Студент! Тайны хранить умеешь? – прошептал Гриня тоном заговорщика, одновременно выталкивая корпусом Семёна в тамбур.

– С мореходки за то и попёрли, что других самоходчиков не сдал, – с деланным оскорблением ответил Сёма.

– Мне нужна твоя помощь, и ещё пару проверенных бойцов возьми. В помощь и так, для конспирации, – продолжал шептать Гриня.

– Я так не могу, товарищ прапорщик. Мне надо знать – для чего, иначе как же я людей подберу, – отвечал Семён.

– В теплушке он с кухней, – ещё тише сказал Гриня.

– Не может быть, – так же тихо, принимая игру, сказал Семён. – Как он туда мог попасть? До неё минимум пять платформ с техникой, а эшелон, как докладывал дежурный, шёл без остановок весь день. Я сам слышал, – продолжал Сёма. – И потом какого бы хрена он туда попёрся, я уже не говорю – каким образом?

– Там шесть ящиков «Пшеничной» водки мешками с мукой завалены. Вот, наверное, и не устоял, потянуло с устатку. Там и остался после погрузки, будь он неладен...

– Та-а-ак! Давай по порядку, товарищ старший прапорщик Гринчук. Не бойсь, не выдам. Во-первых, видимо, надо товарища вызволять из возможного алкогольного плена. А во-вторых, как военному человеку, вам должно быть известно, что для того, чтобы разработать план операции, нужно знать все детали произошедших ранее событий. А операция, судя по всему, должна быть непростая, – поняв, что Гриня в нём нуждается и этим в будущем можно воспользоваться, – важно продекламировал Семён.

– Я на агрегате своём водку привёз. Пустыня, братан! Хрен где возьмёшь, даже если захочешь. А ну как хорошо отстреляемся? А? Сам знаешь, весь первый вагон ко мне потянется:

«Гриня, родной, достань. Надо отметить». А я что, бл... этот, что ли, ну как его, в голубом вертолёте? Ну и так надо. Это же валюта на полигоне. Понимаешь? На что хочешь можно выменять. Вот в прошлый раз (ну да ты должен помнить) командирский «УАЗик» в Балхаше утопили. Так я такой всего за пять пузырей в комендатуре почти новый взял. Так и увезли потом с собой. До сих пор бегают. Вроде всё всем понятно, а попробуй командиру скажи, что надо на полигон водки взять, так можешь уже и не собираться. Вот и приходится юлить. Короче, я Виноградского отловил перед обедом, в конце погрузки, когда он до ветру бегал, и попросил осторожненько занести водку в теплушку. Я до этого оттуда поваров за крупой отправил. Говорю Виноградскому: «Ты сейчас в вагон не тащи, а то всех попалишь. Я потом на полигоне, если добре отстреляетесь, фуфырик подгоню. Отметите со Студентом где-нибудь, по-тихому».

«А-а-а... так вот что Виноградский хотел рассказать», – подумал Семён.

Видно было, что Гриня рассказал всё как на исповеди. Уж очень он боялся, что слишком рано всё откроется и Дзагоев точно выпроводит его на дембель раньше времени, несмотря на все заслуги. Ему показалось, что в лице Семёна он нашёл надёжного партнёра. А без партнёра (или партнёров) в таком деле не обойтись.

Существовало несколько задач, которые необходимо решить. Предположив, что Виноградский в кухонной теплушке (больше ему деться было некуда, а главное, незачем), можно было на девяносто девять процентов сказать, что там в этот момент происходит большая пьянка и откроется всё безобразие ровно в восемь утра, когда эшелон по-любому остановится, чтобы дневальные забрали завтрак из теплушки. Кстати, сейчас повара должны были не бухать, а замешивать хлеб для полевой печки – между прочим, это самый вкусный и ароматный хлеб в мире!.. Итак, если сейчас на часах час ночи, то до восьми утра оставалось ещё семь часов. «Время пока есть», – подумал Семён. Соответственно, первое, что надо придумать, чтобы тайна и по истечении этих часов не была раскрыта, – это как заставить поваров молчать. Второе – как на ходу попасть в теплушку. Третье – быстро и незаметно перепрятать «Пшеничную». И четвёртое – как отмазать Виноградского. Отвечать за самоход из расположения части при выполнении боевого задания своего непосредственного подчинённого Семёну ой как не хотелось.

Докладывать о пропаже ефрейтора Гринчук передумал. Пошёл разведать обстановку в первый вагон. Семён взял помятую неполную пачку «Памира» и вышел в тамбур. Дымя сигаретой, смотрел в тёмное окно и думал, пытаясь найти решение поставленных задач.

По людям определился быстро. Предполагалось привлечь к операции Вовку Пиликина, Кешу Ромодановского и Батыра Урусбаева. С Пиликиным знали с призывного пункта, Батыр – молчун, здоровый, как шкаф (солдатская молва говорит, второй раз служит, за брата), а Кеша такой мастак на выдумки, что о том, как добраться до теплушки, можно было не беспокоиться. Да и ловкостью с силушкой бог не обидел (всё-таки в цирке вырос). Заткнуть поваров нужно было только до Перми. Они, вообще, были не наши, а прикомандированные, и там сменялись. Водку спрятать тоже место есть. Под каждым вагоном громоздится холодный погреб. Единственная проблема, что люк в них находится снизу от тэна, где чай готовят, то есть внутри вагона. Наверное, изначально они для угля были нужны. Виноградскому за что-нибудь Гриня припаяет наряд на кухню (потом скажет солдатам, что сам забыл, что он там). Всё решаемо. Вот только когда это делать и как у всех на глазах обеспечить свободу передвижений?

– Как дела, солдат? Сигареткой не богат? – услышал за спиной незнакомый голос Семёна. – Видишь, пришлось воспользоваться удобствами в вашем салоне, а то у нас там авария, а к офицерам вашим неудобно. Пришлось мчаться через вагон. Боялся – не успею или вторым буду. Ну да, слава богу, не дал старику оконфузиться.

Незнакомый голос принадлежал гражданскому машинисту или помощнику машиниста (кто их разберёт?). Главное, на вид он вроде пожилой, а вот глаза молодые, озорные, то сталь-

ного цвета, то голубые-голубые, словно светились изнутри каким-то тёплым светом. «Удивительный взгляд!» – подумалось Семёну.

Семён протянул пачку.

– Который годок служишь? – взяв сигарету, продолжил стандартным вопросом свою речь незнакомец.

– Второй кончается. Весной или летом дембель, – дружелюбно ответил Семён.

– А... ну да у вас всё не так. Я-то вообще четыре служил, потому как на флоте. А сухопутные по три тащили. Так это оно, правда, прямком после войны было. Наверное, теперь-то уж по-другому. Меня Аркадий Александрович зовут, – представился машинист. – А тебя как звать-величать?

– Ну надо же, у меня батю точно так зовут! А я Семён, – встрепенулся Сёма.

– Что ж, Семён Аркадьевич, стало быть. Это хорошо. Я, знаешь, одно время тоже думал сына Сёмой наречь, да жинка вцепилась – Иван, и всё тут. Так тестя моего покойного звали. А я не люблю с бабами споров разводить. Согласовал, в общем.

Дед Аркаша (он сам просил так называть) оказался человеком очень даже общительным, а уж когда узнал, что Семён в мореходке учился, и вовсе объявил его своим морским братом, хотя точнее было бы уж внуком, или сыном, на крайний случай.

– Что кручинишься, аль служба не мила? Так потерпи, ещё недолго осталось, и вернёшься к своей любви, – продолжал дед, прикуривая третью сигарету от прежней.

– Да я не кручнюсь. Да и нет у меня никакой любви на гражданке. Как в песне «... ждала, ждала, не дождалась». Ты лучше скажи, не будет ли какой стоянки? Хоть в поле? На воздух хочется, прям страх! А то уже портяночный дух до жабер пробрал, – осторожно поинтересовался Семён, напирая на морской жаргон.

– То, что не дождалась, так и ладно. Не твоя значит. А стоянка? Отчего ж не будет? Киров через час. Нас меняют на другой тепловоз. Мы лес назад потянем. Так что... Пока нас отцепят, потом вас маневровый подальше на запасной затолкает. Потом ещё пока ждать новую «голову» будете. Если знать, с какого пути покатитесь, часа два минимум можно гулять. А то и больше. Конечно, если ваше начальство не забывает, – со знанием дела проинформировал дед Аркаша.

– А как же узнать-то это? – боясь спугнуть птицу счастья, осторожно спросил Семён.

– Да нет ничего проще. Ща пойду к себе, свяжусь с диспетчером и спрошу. Ты что же думаешь, мы безвылазно в паровозах сидим, пока такая канитель происходит? Тоже, чай, люди, а не железки. Да и что для родной души в тельняшке не сделаешь, – расплывшись в самой что ни есть благожелательной улыбке, сказал неожиданный спаситель.

– Дед, тогда уж позволь совсем обнаглеть. Разреши нашему прапору к тебе в тепловоз подойти, узнать про этот путь.

– А-а-а... это такой важный гвоздь-сотка? – спросил машинист.

– Точно он! – расхохотался Семён.

– И если опять же не в облом, по дороге шепни ему негромко, что старший сержант Григорьев сам отойти с поста не может и очень его просит подойти во второй вагон.

– Ладно, старший сержант Григорьев, бывай! Не бойсь, всё сделаем, о чём договорились. Дай краба пожму. Служи и ни о чём не тужи! – придерживая дверь (не то что наши олухи), вышел из тамбура дед Аркаша.

– Во, блин, прямо, тётушка фея какая-то! – прошептал Семён.

Ровно через три минуты ворвался раскрасневшийся Гриня.

– Ты что, Студент, совсем оборзел? Сам подойти не можешь, а уже каких-то гражданских в гонцы нанимаешь?

«А вот и злая мачеха собственной персоной», – про себя ухмыльнулся Сёма.

– Не кипятитесь, товарищ старший прапорщик. Когда узнаете, что я надыбал, сами побегите моим гонцом быстрее ветра, – спокойно сказал улыбающийся Семён, всем своим видом

излучая уверенность. Потом так же спокойно, чётко и по-военному рассказал Грине свои сообщения и передал разговор с дедом Аркашей.

Курить уже не хотелось, но Гриня попросил сигарету. Семёну пришлось открыть новую пачку «Памира» и автоматически присоединиться самому. «Вот, блин, пагубная привычка. Дембельнусь – брошу», – подумал он.

Гриня, выслушав Семёна и покурив на халяву, действительно убежал быстрее ветра в тепловоз. Через десять минут договорились встретиться здесь же, в тамбуре второго вагона, всей группой. Времени, как оказалось, было в обрез.

Гриня вернулся довольный, с какими-то листочками в руках. Все были в сборе и уже вкратце проинструктированы Семёном. Снова закурили.

– План такой, – приосанился Гриня. – Сейчас мы все подписываем изменённый график дежурств и с этого же момента считаемся в наряде. Виноградский – с прошлого дня дежурный по кухне. Я – дежурный по первому вагону. Дневальные при мне Пиликин и Ромодановский. Старший сержант Григорьев – дежурный по второму вагону. Дневальные: Урусбаев и Виноградский. Второй, конечно, когда отоспится от предыдущего наряда. Я подписал новый распорядок дня личного состава на время следования на полигон. Не буду углубляться в детали, но завтрак возвращён на семь утра (как в полку). Из чего следует, что при первой же остановке мы обязаны обеспечить личный состав питанием с полевой кухни (то есть из теплушки).

В Кирове все сломя голову мчимся в теплушку, берём всё, что найдём из остатков сухпая и вообще из съестного. Потом Пиликин, Ромодановский и Урусбаев с найденным возвращаются по вагонам. Устраивают мощную суету вокруг ящиков у тэнов. Всем должно быть понятно, что там еда. Выполнив первую часть задания и разведав обстановку, опять все мухой в теплушку. Равномерно распределяем оставшуюся после попойки водку и спокойно, присыпав сверху едой, трое вышеперечисленных перетаскивают свою часть в те же ящики. Виноградского забираем тоже, предварительно тоже дав ему в руки какую-нибудь жрачку. Если кто-нибудь палит вас по дороге или в вагоне, спокойно отвечаете, что старший прапорщик Гринчук изъясил вещдок у напившихся поваров, которых, видимо, будет сдавать в комендатуру в Перми, а пока вместе с Григорьевым останется в пищеблоке обеспечивать сохранность имущества. Да и добавить, что тем, кто дотронется до вещдоков, Гриня лично обещал трое суток ареста. Если палят только Виноградского, то он знает только, что нёс жрачку, остальное валим всё на поваров. Если никого не палят, значит мы с Григорьевым остались в теплушке до Перми, чтобы обеспечить к обеду горячее питание. Поваров придётся действительно сдать. И это справедливо. Я никогда не поверю, что Виноградский пьёт один. А то, что он не пьёт сейчас, так это вообще невероятно. Иначе зачем он туда попёрся? Итак, далее... Если никого не палят, то по-тихому укладываете Виноградского спать, докладываете, что мы остались для обеспечения обеда, а сами сторожите добычу. Если до нашего с Григорьевым возвращения настанет семь, то выдаёте завтрак. А мы со Студентом прячем оставшуюся «Пшеничную» на соседней платформе и, произведя окончательную зачистку, ждём Перми, где либо сдаём поваров в комендатуру, либо отпускаем на все четыре и возвращаемся, – как всегда (невероятно, но факт), проговорил на одном дыхании все предложения Гриня. – Да, если всё-таки попалят или к нам кто почапает, знак нам подадите вот этим из окна туалета второго вагона, – добавил Гриня и вытащил сигнальную петарду, коих он брал на полигон огромное количество (пустыня как-никак). – Типа хулиганите...

Семён не уставал удивляться, каким всё-таки опытным психологом и человеком был Гриня. Всё шло как по маслу. Сухпая оставалось в достатке. Виноградский действительно был в теплушке. Повара пьяны. Три ценных ящика надёжно припрятаны в вагонах. Как потом выяснилось, там никто и ничего не заметил. Ребятам из второго вагона сказали, что Гриня – дурья башка, сам назначил его в наряд по кухне и забыл. Наоборот, все были только рады, что хоть

кто-то взял на себя снабжение провизией, да ещё и пообещал скорый горячий обед. Не учтён был только масштаб бедствия!

Четыре повара и Виноградский «убрали» около ящика водки, и теплушка представляла собой кошмарное зрелище! Всё, что можно было рассыпать, было рассыпано. Всё, что могло валяться – валялось. На потухшей буржуйке дотлевал матрац, наполняя и без того маленькое пространство раздравающим глаза дымом и невыносимой вонью. Полевая кухня была забита сухими, не тронутыми огнём (слава богу!) дровами. Правда, тесто для хлеба было уже замешано и, взойдя, начинало медленно завоёвывать пространство теплушки. И если бы не оказавшаяся на его пути батарея пустых и полных консервных банок и бутылок, наверняка бы уже праздновало победу. Среди этой разрухи, напоминающей Помпеи, в разных позах спали «жертвы». Только Виноградский смог самостоятельно передвигаться, что и скрыло до поры операцию по его возвращению.

Ромодановский, Пиликин и Урусбаев, по Гринину плану, остались в вагонах, и поэтому реально наводить порядок в теплушке, пока не проснутся повара, кроме Семёна и прапорщика было некому. Мужики засучили рукава. Оттащив в дальний угол «бездыханные» тела поваров, Гриня, что-то бурча себе под нос, принялся за растопку полевой кухни, пекарни и буржуйки (стало уже предметно холодать). Семёна смотался до пожарного крана за водой и активно принялся за уборку.

Примерно через четыре часа это был сон военнослужащего наяву. В сияющем чистотой тёплом вагончике уютно пахло свежим хлебом. На горке из мешков с крупой, застеленных матрацами и одеялами, был накрыт стол с разными яствами. Тут были и солёные огурцы, и помидоры, правда, тоже зелёные... И почему в армии они бывают только зелёными? Тут же стояла – о, чудо! – сковорода с шипящей жареной картошкой на свиных шкварках! И... початая бутылка «Пшеничной!!! Рядом возлежали два «восточных бая» – старший прапорщик Гринчук и старший сержант Григорьев. Перед ними, как и положено, сутились рабы в количестве четырёх штук. Этими рабами были уже давно вышедшие из алкогольного забытья повара. У них даже похмелья не осталось. Вот что значит трудотерапия! Устав, по его выражению, корячиться, Гринчук растолкал их через час, прошедший после начала генеральной уборки, с такой злобой и такими текстами обещая им все казни египетские, что в работе их было не остановить. В общем, по-честному, это повара выдраили весь вагон, напекли хлеба и накрыли стол, ни на минуту не присев и не притронувшись к яствам.

– Ну что, простим их? Не будем сдавать? – почти промурлыкал лоснящимися от сала губами Гриня.

– Э-э-эх... Пусть живут бедолаги. Всё-таки Виноградский виноват. Они бы сами ни в жисть не притронулись к водяре, – еле сдерживая икоту, отвечал Семён.

– Согласен. Но только за ещё одну ма-а-аленькую услугу. Пусть кто-нибудь из вас посмотрит вон за тем окошком второго вагона. И если увидит красный дым, тут же докладывает нам, а мы тем временем покемарим часок. Ясно?! Не слышу бодрого ответа?! – обратился Гриня к поварам.

Так и не дослушав доклад, Семён и Гриня уснули, похрапывая в унисон.

...«Товарищ старший прапорщик! Товарищ старший прапорщик! Проснитесь!.. Товарищ старший прапорщик!.. она уже идёт... идёт уже».

Прекрасный сон. Видение нежной и стройной девушки, невесомо парящей над землёй, приближалось во сне к Семёну. Вдруг, подойдя уже на расстояние вытянутой руки, призрак превращается в Гриню со всеми его чертами, только почему-то Гриня обвит пляжным парео прямо поверх ремня с кабурой. Потом Гриня откуда-то взявшейся в его руке кочергой начинает долбить по железной печке и истошно орать: «Товарищ старший прапорщик!.. Товарищ старший прапорщик!»

В запертые ворота теплушки настойчиво стучали чем-то железным.

Гриня и Семён проснулись одновременно.

– Что ж такое, поспать не дадут... Попалили, что ли? – пробормотал сонный Гриня и, ещё не заняв вертикального положения, громко скомандовал: – Построиться! Равняйся! Смирно! Старший по кухне, доложить по всей форме! Кто ОНА? Откуда идёт? И куда?

– Товарищ старший прапорщик, наша смена пришла! Прикомандированный к эшелону Кировской комендатурой взвод поваров. У нас командировка до Кирова. Разрешите открыть и произвести мероприятия по передаче дел? – прозвенел старший по кухне.

– Как смена? Вы же в Перми должны меняться! – озадаченно пробормотал Гриня.

– Никак нет! В Кирове, товарищ старший прапорщик! Вот командировочное удостоверение, товарищ старший прапорщик! – в очередной раз отчеканил старший по кухне. Его глаза были полны радости и надежды на счастливое окончание этого происшествия.

– Что ж ты... дурка малохольный, сразу не сказал?! – заорал прапор. – Что ж теперь делать-то? – продолжил он тихо, скорее для себя.

– Студент, дорогой, сейчас отопрём тебе заднюю дверь, выскакивай, ящики с водярой мы тебе подадим. Тащи их на нашу соседнюю платформу. Притарь куда-нибудь, а я сейчас смену произведу – и к тебе. Потом домой по вагонам. Больше нам здесь делать нечего, – прошептал он Семёну, а затем скомандовал: – Открыть ворота!

Ящиков оставалось всего два, без одной бутылки, и Семён быстро закинул их на следующую после теплушки платформу с закреплённым на ней «ГАЗами-69» да кунгами из родного КП. Один из них – кунг, в котором Семён прожил всю прошлую зиму, дожидаясь, пока достроят казарму. «Согреюсь, если что», – мелькнуло у него в голове. С чего взялась эта мысль? Как предчувствие.

Светало. Огромными мягкими хлопьями валил снег, засыпая эшелон. Издали, хоть и плохо было видно, Семён различил, как личный состав, включая офицеров и прапорщиков, весело вывалив на морозец из обоих вагонов, занимался зарядкой. Понятное дело, комполка на «соседней полке». Куда денешься?... Семён подсчитал, что он находился от всех через семь платформ и теплушку.

Было совсем не холодно. На улице около минус десяти, не больше. Ни малейшего ветерка. Семён с Гриней отлично «поджарились» в натопленной теплушке. Умеренное количество спиртного исправно гоняло кровь, дополнительно согревая организм. Да что говорить, ватные штаны и новое полушерстяное обмундирование, надетое поверх неизменной тельняшки и кальсон, исправно выполняло свою функцию. Немножко подмерзли руки, так как варежки остались в теплушке в карманах фуфайки, ну да это ничего. Гриня обещал минут за десять справиться с приёмкой-передачей дел на кухне – и пойдём вместе к остальным. Доставка обеда ориентировочно только в Перми, а мы ещё отсюда не тронулись. Вещи он прихватит. Хорошо, что всё прошло гладко.

– Товарищ старший прапорщик! Кухонный расчёт, приданный для сопровождения в/ч 83278 в пути следования, в соответствии с командировочным удостоверением номер 29 для несения службы заступил! Командир отделения ефрейтор Асланбеков, – подписав акт, отпортовался командир новых поваров.

Конечно же, Гриня не стал закладывать предыдущую смену, так как, несмотря на внешнюю строгость и даже суровость, был человеком по жизни добрым и справедливым. Напротив, пожал каждому руку, пожелал счастливой службы и отпустил восвояси. «Хорошо, что всё прошло гладко», – так же, как и Сёма, подумал он.

И тут произошло непредвиденное! Командир прежних поваров, спрыгнув последним из своих из теплушки, достал принесённую сменщиками рацию. И бодро сообщил, видимо, в комендатуру, о том, что он сменился.

Видимо, после этого какие-то колёсики непонятной железнодорожно-военной машины повернулись и... ПОЕЗД ТРОНУЛСЯ!

Начало медленного отправления эшелона стало неожиданностью для всех его обитателей. Физкультурники запрыгивали в вагоны, не считаясь с размещением. Офицеры – в солдатский, солдаты – в офицерский. Но, в конечном счёте, все оказались на своих местах. Говорят, позже Дзагоев вызывал машиниста и чуть башку ему не снёс, мало того, ещё и рапорт накатал его начальству.

Про Гриню с Семёном никто даже не вспомнил, так как все были уверены, что они в теплушке занимаются обеспечением личного состава питанием, и втайне завидовали их классическому положению подальше от начальства, поближе к кухне.

Гриня сел за разделочный стол и, обняв морщинистую голову своими огромными мозолистыми лапами, стал перебирать все возможные варианты развития событий.

В самом незавидном положении оказался Семён. Судите сами. Один. Зимой. На открытой платформе набирающего скорость поезда. Без верхней одежды или хотя бы шапки. При этом, как уже говорилось, специфика военного эшелона в том, что неизвестно когда, где и на сколько он остановится. На эту специфику и уповал Семён. Может быть, поезд остановится так же внезапно, как и поехал? Тогда и минуты будет достаточно, чтобы Семёна спрыгнул с платформы и постучался в дверь теплушки. Но без этого, то есть без остановки, попасть в теплушку, а тем более в вагоны, не было никакой возможности. Даже если представить невероятное. Например, Семёну удалось бы, рискуя упасть под колёса, по сцепке дойти до теплушки. Но это не обычный пассажирский вагон, и у него не было дверей по торцам, а только сдвигающиеся двери-ворота по бокам. Как в фильмах про войну. Вероятность пройти через семь сцепок по платформам до вагонов и не сорваться – это, как говорят математики, стремится к нулю. Оставалось одно – ждать.

Гриня, наконец выйдя из ступора, на глазах удивлённых поваров немного сдвинул дверь теплушки. Через образовавшуюся щель ворвался ледяной воздух. Не испугавшись менингита, Гриня высунул голову навстречу ветру. Сощурился и без того маленькие глазки, он увидел маленький зелёный комочек на предыдущей платформе.

– Студент!.. Студент! – орал Гриня во весь голос. – Держись! Я что-нибудь придумаю!.. – орал ещё минут пять что-то в этом роде. Размахивал руками. Потом вытащил в проём палку с развевающейся тряпкой, которую тут же унесло ветром. Потом орать стали в пять глоток, вместе с поварами, так как уже не было никакой возможности сохранять тайну.

Семён, конечно, ничего не слышал, так как Гриня сотоварищи вынуждены были кричать по направлению движения состава, и, соответственно, весь звук уносился назад с ветром. Обратил на них внимание только во время эпизода с тряпкой, да и то случайно. Просто с надеждой взглянул на теплушку. А вдруг он ошибался по поводу наличия двери в торце? Нет, не ошибался.

Состав уверенно набирал ход. Ветер уже чувствовался так сильно, что приходилось держаться за ступеньку «ГАЗа», ведущую в водительскую кабину. «Господи! Что за болван!» – нелестно подумал Семён о себе. Можно же залезть в кабину или (того лучше) в кунг. Если не будет ветра, то десять или даже пятнадцать мороза – это сушая ерунда. Семён разогнулся, поднялся на ступеньку и потянул за ручку дверцы водителя. Она не поддавалась. Наверное, водитель закрыл на замок. Спрыгнул и, придерживаясь за обжигающе холодные выступающие части, обошёл автомобиль сзади. Вот она, спасительная лестница к двери в кунг. Какие-то четыре ступеньки и... в тепле. Дверь не открылась. Семён обошёл машину с другой стороны. Пассажирская дверь тоже не поддавалась.

Катастрофа! Состав шёл на «крейсерской скорости», громко стуча колёсами. Несмотря на дембельские вязаные носки, которые прислала мама, начали замерзать ноги. Снег из мягких и нежных хлопьев превратился в злейшего врага, который уже не впивался иголками в лицо, как на погрузке, а раздирал его до крови. При этом эта ледяная центрифуга была такой плотно-

сти, что, приоткрыв один глаз, Семён всерьёз опасался его потерять. Банальная мысль, но надо было что-то делать. Должен же быть какой-то выход, точнее вход в спасительный кунг.

Тут Семён вспомнил, что как-то прошлой зимой, когда кунг стоял на двух деревянных полозьях, приспособленный под жильё, возвращаясь из самохода, чтобы не заметил дежурный, солдатики подползали по-пластунски под небольшой аварийный люк, сделанный прямо в полу кунга. Конечно, он не закрыт! Там и защёлки-то нет. Упал на ледяной пол и пополз под машину. Вот он! Вот он! Похоже, наконец удача вернулась! Лёг на спину. Толкнул его ногой. Не поддаётся. Страх так глупо замёрзнуть на платформе подкатил к горлу. Толкнул двумя. Что-то упало и покатилося внутри. Видимо, что-то стояло на люке. С третьего раза люк призывно распахнулся, маня продрогшего Семёна уютом кунга. Страх мгновенно улетучился и подумалось: «А вдруг там дрова есть? Тогда я до самой Перми с комфортом доеду».

Но удача вернулась ненадолго. Может быть, даже хуже, что люк открылся, подарив надежду. Машина стояла на железнодорожной платформе, а кунг – на платформе машины. Платформа машины состояла из продольных и поперечных металлических балок, и одна из них перечёркивала и без того небольшой лючок прямо посередине. В образовавшиеся половинки можно было просунуть разве что голову. Что Сёма и сделал. В кунге было прибрано. А упало это именно полешко для колки щепок в буржуйку. В углу были сложены дрова. Не много, но вполне достаточно. Даже все четыре койки были аккуратно застелены чистым бельём и накрыты одеялами! Красота!

Голова немножко оттаяла, но ноги уже чувствовались слабо. Как ни прекрасен был вид, но торчать башкой в кунге, а остальными, не менее любимыми, частями тела – на улице, оставляя их на растерзание стихии, видимо, не очень правильно. Необходим был новый план спасения.

Второй кунг также был закрыт. Даже аварийный люк не поддавался.

«У меня же есть водка! – пришла в голову ещё не совсем структурированная идея, мозг прямо фонтанировал ими, возбуждённый стрессовой ситуацией. – Только сначала надо найти место, где меньше дует. – Первое, что приходило в голову, это расположиться позади кунга, но оказалось, что именно там и сливались оба боковых воздушных потока вместе, образуя адский ураган. – Может, под машиной? Точно! А с наветренной стороны прикрыться ящиками. Их же два. По бокам колёса. Всё-таки защита», – лихорадочно думал Семён.

Так и сделал. Перетащил ящики. Сел за ними под машиной под задней предпоследней осью, прямо на пол (благо штаны ватные). Для ветра получилась некая мёртвая зона. Не тишь, конечно, но всё-таки стало дуть меньше. Голова замёрзла смертельно. Ушей вообще не чувствовал, даже если тереть ладонками. «Обморожу – останутся, как два вареника», – подумал Семён. Быстро скинул сапоги, размотал портянки и надел обувь обратно. «Портянки всё равно поверх маминых носков намотаны, чтобы дырок не было, да и ноги не так сильно замёрзли, а уши и вообще голову надо беречь», – была одна из струй Сёминоного фонтанирующего мозга. После этого не совсем плотно (только чтобы держались) обмотал портянки вокруг головы, захватив уши. Неплотно, это чтобы было теплее (в каком-то фильме видел). Достал из ящика бутылку «Пшеничной». Благо что запечатана была «бескозыркой». Открылась легко. Сразу влил в себя граммов двести. Минуту посидел, не двигаясь, дождавшись, когда тёплая волна начнёт разливаться по телу. Потом отхлебнул ещё немного и стал проводить техосмотр себя в полевых условиях.

Начал с ног. Они замерзли всё интенсивнее, так как Семён сидел.

«Сидеть нельзя!» – говорил один внутренний голос.

«А что же делать? Ходить невозможно из-за ветра и снега! Более того, так замерзает всё остальное!» – тут же вторил другой.

Итак... Пальцы на ногах уже не слушались. Ну да это не страшно, их он отморозил ещё в детстве, на катке. В шерстяных носках ещё продержатся какое-то время. Странно, но под ват-

ными штанами горели икры. Как будто Сёма был в одних трениках (тоже, кстати, зимнее воспоминание из детства). Интимные части тела надёжно были согреты набором из кальсон, ПэШа и ватников. Дальше – хуже. Всё, что находилось выше ремня, продулось насквозь и продрогло. Уже начинало колотить, но водка ненадолго остановила этот процесс. Сёма опять отхлебнул из бутылки. Кисти рук могли шевелиться лишь потому, что постоянно заняты работой. Голова обмотана портянками, как у немца под Москвой в сорок первом. Все щели у импровизированной чалмы гладко забиты снегом, и поэтому такой головной убор скорее напоминал белый мотоциклетный шлем. Хотя, надо отдать ему должное, стало заметно теплее.

«А что это я сижу?! Что мне, слабо просто по прямой пройти по платформам до вагонов??? Я же крепкий парень, да и платформ всего семь!» – опасно забродила в голове пьяная бравада. Семён залпом в позе горниста допил бутылку, выбросил её за борт, встал и пошёл к переднему краю вагона, ещё крепче цепляясь за всё, что попадётся.

Сидя на краю и свесив ноги с платформы, Семён, не мигая, смотрел на сцепку, соединяющую вагоны. Это было, наверное, полтора метра лязгающего, обледенелого железа между ходящими ходуном платформами. Даже у человека, не обладающего воображением, глядя на это, в мыслях мог представиться только один сюжет – пытающийся перебраться, соскальзывающий под колёса человек, захлёбывающийся криком и кровью, плюс леденящий душу хруст костей.

Снова начался озноб. Стало опять очень холодно. Ветер выбивал из глаз слёзы. Пришлось вернуться. Рука сама потянулась за второй бутылкой. Опять на старом месте стало не так ветрено. Опять разлились тёплой волной двести граммов. Но быстро содержимое вернулось назад, до крови оцарапав глотку и измазав Семёну гимнастёрку липкой жижой, которая мгновенно замёрзла. Навалилась дикая усталость. Семёну стало себя очень жалко. Уже не от ветра потекли слёзы. Вдруг Семён вспомнил о своём талисмане-шарике. С трудом засунул окоченевшую руку в карман ватных штанов, нашёл талисман и сжал его в кулаке. «Только бы не уснуть! А как люди в войну держались? Вон хоть деда Аркашу, машиниста, взять... И чёй-то я его вспомнил?.. Не спать! Не спать!» – из последних сил уговаривал себя Семён.

Неожиданно кончился снег, вышло яркое, уже почти весеннее солнце, и где-то в углу неба появилась такая редкая зимой радуга. Семён первый раз обратил внимание на окружающий его ландшафт. Эшелон пересекал Уральские горы. Состав находился на сопке, и поэтому обзор во все стороны был потрясающим! Слева сопки становились всё выше и к горизонту превращались в настоящие горы. Но это не те горы, острые вершины которых теряются в облаках. Нет, они тоже высокие, но в меру и более пологие, покрытые густой зелёной хвойной растительностью. Две самые близкие горы рассекались глубоким, но широким ущельем. Реки не было видно, но внизу лежала обрамлённая скалами белая долина. На одной из скал был виден водопад!!! Именно над ним и начиналась радуга. Справа, как поётся в песне, простиралось, сливаясь с горизонтом, «зелёное море тайги»! Действительно, море! Море в полный штиль. Ровное, как стол. Настолько огромное, что заметно, как и на настоящем море, где закругляется земля на горизонте. Воздух стал прозрачным и голубым. Редкие снежинки сверкали искорками на солнце. Какие-то птицы летели параллельно составу, обгоняя то состав, то друг друга. Их крылья поднимались и опускались точно в такт стуку колёс. Снег слепил глаза белизной. Но, как и положено, на любой белизне должны быть чёрные пятна. Диалектика. И пятна были. Эти пятна оказались либо уже весенними проталинами, либо одинокими кустами без листьев, либо звериными тропками. И чёрными они только назывались. Они состояли из всей палитры. Семёну всегда нравилось смешение цветов. Вот и здесь все цвета смешивались самым удивительным образом, невероятными переходами. Зелёное – от елей. Медно-красно-жёлтое – от песчаных обрывов.

«Медно-красный... Медь... Это же Урал – медная страна. Демидовы... Хозяйка медной горы... Данила-мастер... Интересно, какая температура сейчас? Вроде бы потеплело. Птицы

летят уже совсем рядом. Прямо у лица. Рифма смешная: птица у лица... А может, и не рифма это вовсе. Медные птицы прямо у лица... Хозяюшка-душенька, спаси Данилу!.. А когда до водопада доедем, я сойду... Зачем ехать, долетим... По воде от водопада до дома совсем рядом... А дома мама и тепло, очень-очень тепло... Вот... вот, вот он и цветок каменный», – орал летящий параллельно составу вместе с медными чудными птицами Гриня, вытягивая руку с палкой, на которой развевалась кухонная тряпка.

Состав всё ускорялся и ускорялся. «Спаси... Спаси... Спаси...» – мерно и убедительно стучали колёса. Эшелон медленно, плавно и тяжело, как «ИЛ-69», оторвался от рельсов и направился напрямик к радуге. Гриня замахал руками быстрее, обогнал птиц, но всё равно не смог угнаться за Семёном, сидящим будто уже и не на платформе, а верхом на «ИЛ-69». Он что-то кричал, но Семёна не мог разобрать. Впереди была только радуга. Радуга во всё небо! «Так вот ты какая, Хозяйка медной горы!..»

– О!.. Очнулся... Ты успокойся, солдатик. Всё... Всё хорошо, – склонилось над Семёном широкое и знакомое лицо полкового врача майора Календарёва. – Ну, Семён, и везунчик ты! Слава богу! Теперь не надо тебя в гарнизон тащить.

Эпизод 13

Вдохнул немного весеннего воздуха на утреннем разводе – и снова под землю. Семён заступил на боевое дежурство на сутки восьмой раз подряд без подмены. Подобные вещи были бы непозволительны на гражданке с точки зрения охраны труда, а в армии прокатывало, и ещё как. А что? Исмаилов пока названия цифр и то не точно знает по-русски, а что уж говорить, чтобы вести цели. Услышать и выудить свой позывной из мешанины эфира, разобрать сквозь помехи координаты, мгновенно найти их на трёхметровом (по высоте) планшете и, еже-секундно рискуя сверзиться, зацепившись о провод наушников, нанести в нужное место стек-логграфом данные в зеркальном изображении. При этом зная, что оперативный дежурный и иже с ним ведь с той стороны смотрят.

Вот и тянули они с ефрейтором Виноградским службу без подмен, день за днём, ночь за ночью, спя прямо за планшетом, надев наушники. Интересно как-то работал мозг в таких обстоятельствах. Вроде спишь и даже видишь сны, но как только где-то среди гула старых наушников, какой-то болтовни, обрывков слов, предложений и разной музыки, обилия цифр, букв и позывных услышишь знакомые «Таблица... Таблица... Таблица...», то тут же просы-паешься, как говорится, в полной боевой.

Всё время искусственное освещение. Бывало, посмотришь на часы со сна: два часа, пора на обед. А потом осечёшься и подумаешь: «Два дня? Или два ночи?»

– Эх! – потянулся Семён. – То ли дело полигон, а?! – сказал он, обращаясь к Виноград-скому, не подразумевая ответа. – Свобода!.. Воздух!

– Не знаю, товарищ сержант, – всё же ответил Виноградский, обращаясь по званию больше для смеха. – Вы же один изволили первый раз ездить весной, а я был только в феврале, когда заложенный нос воздуха не чувствует.

– Ладно-ладно, не прибедняйся, – с улыбкой произнёс Семён. – Знаю я. Пацаны расска-зывали, как вы тут зажигали, пока нас весной не было. Говорят, что даже на дизеля селянок приглашали, а? И, во-первых, не ездить, а выполнять боевое задание, а во-вторых, не один, а с полком.

Ранней весной полк выезжал на боевые стрельбы в Казахстан. На позициях оставалось только по одной дежурной смене, среди которых и был ефрейтор Виноградский. А для Семёна это было настоящее приключение. Целый месяц походной жизни в конце первого года моно-тонной службы! Неделю эшелон шёл туда, неделю – назад и две недели – там. Насмотрелся красот природы, военного разгильдяйства и реальных стартов ракет. Впечатляет. Самодель-ных степных сувениров привёз целый вещмешок. Но самое главное, что он узнал «страшную» военную тайну. Всё это театр и фикция. Внезапных проверок боевой готовности не бывает, и все всё знают заранее и за неделю готовятся к отражению атаки учебного противника. В основном люди заняты регламентными работами, приборкой территорий и составлением все-возможных отчётов и т. п. Ах, да! Ещё офицеры и прапорщики пили как не в себя. Гриня (старшина командного пункта, старший прапорщик Гринчук) творил чудеса, доставая продукт, которого нельзя было купить за тысячи километров вокруг. Зато надо было видеть эти рожи! По-другому не назвать! Когда на обратном пути даже Гринины запасы кончились, Семёну сна-чала было как-то не по себе от понимания того, что творится в войсках, но потом успокоился и влился в понимание поговорки «Война план покажет». Хотя не хотелось бы.

– Финал кубка чемпионов был. Вчера играли «Порту» с «Баварией», слышал? Счёт не знаешь? – спросил Семён.

– Откуда? – ответил Виноградский. – Я же здесь вчера весь день с тобой был.

– Ну думал, что, может, в эфире или в столовке кто сказал.

– Не-е-е, братуха. Я не в курсах, – сказал Виноградский. – А ты вон у Оперативного спроси. Он же только утром заступил. Значит, вчера отсыпался, как человек. Может, он даже и смотрел. Не то что мы с тобой. Света белого не видим. Тем более, смотри, он «Советский спорт» читает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.